

ЗАБАВА И ДѢЛО ВЪ КАЗАРМѢ.

Все, что касается нашего солдата: одежды, которую онъ носитъ, пища, которую ѣсть, оружія, которымъ владѣть, постель, на которой спать, — всѣ разнообразныя обстоятельства его жизни отъ момента поступленія и до послѣдней минуты пребыванія въ казармѣ должно быть предметомъ возможно подробнаго и возможно частаго обсужденія. Лучше десять разъ повторить одно и то же, съ раскомъ надоѣсть читателю, нежели разъ пропустить, хотя бы и ничтожное съ вида, обстоятельство. Выходи почти исключительно изъ состоянія, привычнаго къ непрестанному труду, работѣ, голоду и холоду. нанимать солдатъ есть существо въ высшей степени покорное, безотвѣтное и выносливое. Великому жившему плотную съ солдатомъ, знающему его не издали, знакомъ тотъ юморъ и то добродушное незлобіе, съ которыми онъ относится къ своему перѣдко тяжелому положенію.

Но ежели условія до-казарменной жизни выработали въ солдатѣ равнодушіе къ собственному положенію, то на сколько должны быть внимательны и пытливы тѣ, въ руки которыхъ отдана судьба самой жизненной и цвѣтущей части народа, и преступно забыть хоть на минуту, что имѣешь дѣло съ живымъ организмомъ, а не съ машиной, отъ которой нравѣ лишь требовать вѣстнаго количества механической силы.

Въ декабрьской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1883 годъ помѣщена статья: «Нѣсколько соображеній по поводу винной солдатской порціи». Авторъ статьи, г. Бутонскій, разсуждалъ о томъ вліяніи, которое имѣетъ узаконенная порція вина на нравственный уровень казарменной жизни, приходитъ къ глубокому убѣжденію вреднаго вліянія винной порціи на трезвость и казарменную нравственность и ратуетъ за совершенное упядоченіе этой порціи съ тѣмъ, чтобы отпускаемая на нее денги выдавались бы людямъ — на руки, или вѣли бы на улучшеніе пищи, или, наконецъ, предлагать

замѣнять традиціонную чарку вина чаемъ. Рядъ наблюденій, выведенныхъ изъ 8-ми лѣтняго командованія ротой, даютъ мнѣ право считать себя компетентнымъ въ вопросѣ о казарменной нравственности, и я, съ своей стороны, горячо протестую противъ мысли отнять у солдата узаконенную винную порцію.

Записка г. Бутонскаго дала мнѣ мысль попытаться прямо и искренно, безъ какихъ либо предвзятыхъ колюнковъ, проявить въ газетѣ тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется казарменная нравственность и основывается сила военного устройства.

Изучивъ сложныя начала, которыя вели нашихъ великихъ генераловъ къ побѣдѣ, мы находимъ эти начала не въ одной лишь широкой, шумной дорогѣ военныхъ подвиговъ, но часто на тихихъ и скромныхъ боковыхъ путяхъ администраціи, въ кропотливомъ и трудномъ пути мирной подготовки солдата и въ стремленіи поднять его нравственную и духовную сторону.

Жизнь арміи, ея бытъ, условія, ея интересы, потребности, всестороннее развитіе распадается на двѣ категоріи: формальную и общечеловѣческую. Въ солдатѣ два существа — казенное и свое собственное. Первое обуславливается потребностью создать людей, способныхъ безотвѣтно повиноваться приказу начальника, готовыхъ положить душу свою за други своя (нравственное воздѣйствіе) и умѣлыхъ разумно, сознательно дѣйствовать какъ въ мирное, такъ и въ военное время (обученіе); второе обуславливается тѣми особенностями, которыя свойственны каждому народу и выработались на основаніи его собственныхъ бытовыхъ и историческихъ условій. Работать надъ развитіемъ перваго и быть крайне чуткимъ ко второму существу — обязанность адъютанта военного, на котораго подчиненный смотритъ какъ на начальника и человека. Только при подобной постановкѣ взаимныхъ отношеній фраза «все обстоитъ благополучно» перестаетъ быть пустымъ звукомъ и въ частіи устанавливается строгій, справедливый и крѣпкій порядокъ, который не пошатнется не только подъ чаркой, но даже и ведро водян.

1.

Условія, способствующія духовному развитію солдата.

Когда человекъ поглощенъ какой нибудь умственной или физической работой, то никакимъ образомъ нейдетъ ему въ голову; но разъ наступитъ часъ досуга, время отдыха, необходимо, чтобы онъ встряхнулся, оживился и зачерпнулъ бы новый запасъ силъ для предсто-

ящего труда и работы. Въ сферѣ развитія казарменной жизни благотворительное дѣйствіе этого всемірнаго принципа не достаточно сознано. Нередко отъ нашего неумія, нерадѣнія дать солдату въ часы досуга, въ часы томительнаго казарменнаго вечера, возможную сумму веселья и развлеченія, раздаются жалобы на солдатское пьянство и казарменную распущенность. Здоровье, веселье, бодрый духъ дѣлаютъ спосною всякую жизненную участь, тогда какъ монотонность, голый формализмъ, безцѣльное шатаніе изъ угла въ уголъ дѣлаютъ мрачною даже такую жизнь, которая обставлена въ матеріальномъ отношеніи самыхъ благоприятнымъ образомъ. Ротный командиръ, который, поддерживая съ полной твердостью всѣ ограниченія, требуемыя закономъ, въ то же время не только избѣгаетъ ненужныхъ ограничений, но еще даетъ свою собственную санкцію всѣмъ законнымъ удовольствіямъ своихъ солдатъ и, доставляя самъ нужные для того средства, глядитъ съ одобрительною улыбкою на ихъ забавы, не можетъ не приобрести на своихъ солдатъ громаднаго вліянія. Надо дѣйствовать на душу, чтобы управлять тѣломъ. «Представьте себѣ, говоритъ г. Бутовскій, совсемъ недеспорченнаго новобранца, который, быть можетъ, принесъ въ душѣ идеалъ ювона и, страстно стремясь къ этому идеалу, пламенно желаетъ, чтобы всѣ окружающіе считали его молодымъ, бравымъ солдатомъ, — и вдругъ этотъ человекъ, только изъ-за того, что онъ не идетъ воякомъ, является окруженнымъ какими-то безмысленнымъ презрѣніемъ, жестоко побиваемымъ его самолюбіемъ».

Зачастую расторопный, смѣтливый парень, еще вчера бывший героемъ деревенскихъ вечеринокъ, сегодня, явившись новобранцемъ, дѣлается вялымъ, тупымъ, равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ, точно онъ совсемъ перородился. Что за причина этого превращенія? Неужели казарма, судя по этимъ двумъ примѣрамъ, дѣйствуетъ такимъ развращающимъ и притупляющимъ образомъ? Все зависитъ отъ нашего отношенія къ дѣлу. Идемъ за ны путемъ формализма, бездушнымъ, опираясь лишь на неясные законы, или, напротивъ, осмысленнымъ, непрерывнымъ трудомъ, направленнымъ къ развитію въ солдатъ разумной, но дисциплинированной единицы? Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, или съ чувствомъ горькой укоризны, или съ гордымъ сознаниемъ исполненнаго долга, начальникъ часто долженъ себѣ сказать: «это дѣло моихъ рукъ» съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ архитекторъ скажетъ бы: «я построилъ этотъ домъ».

Вѣнчаная или механическая подготовка, ограниченная кругъ занятій съ солдатами въ былые времена, утратила имѣя свое значеніе.

И разъ, какъ центральная власть установила требованіе, чтобы изъ каждаго солдата выработать годнаго единичнаго бойца, а эти единицы, въ свою очередь, довести до возможно высшей степени пригодности къ бою при совокупныхъ дѣйствіяхъ, при условіи, чтобы какъ отдѣльная единица (солдатъ), такъ и сумма ихъ (войско) ясно понимали бы нравственную сторону своего назначенія, естественно, что при подобной постановкѣ дѣла обученія физическая сторона (выпрашка) далеко не составляетъ достаточнаго критеріума при сужденіи о годности солдата, такъ какъ эта годности обуславливается нравственными и умственными качествами. Обученіе образованіе солдата должно быть поставлено на одну высоту съ нравственнымъ воспитаніемъ. Ошибаются тѣ ротные командиры, которые предоставляютъ процессъ превращенія новобранца въ солдата силѣ обстоятельствъ; конечно, какъ хлѣбное зерно перетирается въ муку на мельничномъ постаѣ, такъ и новобранецъ перетрется въ общую сѣрую массу, но ежели при этомъ воздействие распространяется лишь на питательную сторону его, то получите, быть можетъ, хорошаго фронтовика, складнаго вояку, ласкающій глазъ начальника, — но нравственно печальнаго, рыхлаго, т. е. неспособнаго противостоять дурнымъ влеченіямъ и неспособнаго соединить въ себѣ два основныхъ условія: *повиноваться и рассуждать*. Въ часы занятій онъ будетъ на своемъ мѣстѣ, заучивая свѣдѣнія, необходимыя солдату; въ часы же отдыха отсутствіе всякой умственной пищи, всякаго развлеченія погонитъ его къ единственному возбужденію — кабаку. При такой обстановкѣ поумудрено, ежели новобранецъ спугается съ перваго шага. Съ утра до вечера онъ постѣ, въ немъ еще живы воспоминанія о родной хатѣ, семьѣ. Все идетъ помимо него, и онъ механически вытягивается къ страшнаго для него міръ разябреннаго порядка. Ухо слышитъ ругань или обривавшя приказанія, — наладаетъ на него какая-то съезженность, трусость, и ему кажется, что всякое общеніе съ дѣйствительнымъ міромъ для него прервалось — порвано. При такомъ внутреннемъ порядкѣ роты, обыкновенно, худшіе элементы главенствуютъ, и въ нихъ, въ силу крѣпости въ пальмѣ крестьянствѣ семейнаго союза, общины и мірскаго солидарности, въ концѣ концовъ ирретируетъ новобранецъ. Все это дѣлается невольна, незамѣтно. Бываютъ случаи хроническія, ихъ сразу не замѣтешь въ человѣкѣ. Умелыми прищипками дѣйствуютъ они лишь во временахъ, а обыкновенно такая болѣзнь точитъ человека понемногу, изо дня въ день, и доводитъ до смерти. Такъ и здѣсь. Новобранецъ, незамѣтно для самого себя, нравственно развращается, вытягивается въ бессмысленное рав-

нодушие: страхъ, не говоря про стыдъ, терпеть для него немую силу, и онъ впадаетъ въ то одеревявшее состояніе, по которому быть пьянымъ или трезвымъ, быть воровъ или честнымъ—совершенно безразлично.

Другое дѣло, если внутренний распорядокъ роты держится на глубокомъ нравственномъ единеніи начальника съ подчиненными, если солдатъ смотритъ на своего командира какъ на непогрѣшимый авторитетъ, а командиръ на солдата—какъ на нравственного слабого человека. Являясь живымъ образцомъ долга, справедливости и точнаго исполненія мельчайшихъ требованій закона, ротный командиръ наглядно, безъ траты лишнихъ словъ, указываетъ тотъ путь, которымъ должны слѣдовать вѣрныя ему солдаты. Для полнаго нравственного единенія необходимо взаимное довѣріе между начальникомъ и подчиненнымъ. Разъ какъ ротный командиръ смотритъ на солдата какъ на негодяя, ищущаго лишь случая обмануть и улизнуть, а солдатъ, зная «кое что», не вѣрять въ совершенство и непогрѣшимость своего ротного командира, то, конечно, нравственного, объединяющаго начала нѣтъ, а есть лишь казенно-обязательная, механическая связь. Взаимное довѣріе—великая сила, какъ въ мирное, такъ и въ боевое время. Не въ этой-ли живой силѣ заключается секретъ чарующаго обаянія великихъ генераловъ на солдатъ. «Вѣрите мнѣ, ребята,—говорилъ Скобелевъ,—какъ я вамъ вѣрю, и тогда скоро мы опять, во славу русскаго народа, заработаемъ свидѣніе Батюшки-Царя» (приказы генерала М. Д. Скобелева, стр. 34-я).

Наша привычка смотреть только на физическую, вѣншую сторону поведенія солдата—на столько сильна, что требуется настоящее усилие воли, чтобы взглянуть на психическую сторону: въ этомъ виновато наше суровое прошлое, когда солдатъ былъ только человекомъ цифры, ярыка и шеренги и не придавалось ни малѣйшаго значенія его духовной природѣ, когда папка и личная расправа считались вѣрнѣйшими охранителями воинской дисциплины. Но всякому времени—своя логика.

Степень образованія и воспитанія солдата—прямо пропорциональны: во первыхъ, *формальнѣ строя и тактическимъ условіямъ*, а во вторыхъ, *большой или меньшей связи солдата съ народомъ*.

Въ прежнее время, когда ходили въ атаку массами, нѣкими линиями, сплошными колоннами, можно было ограничиться требованіями, чтобы солдатъ умѣлъ лишь стройно двгаться въ этихъ массахъ, не теряя дистанціи или локоть рядомъ стоящаго товарища; нынче, когда дано полное равенствѣ разнородному строю (нальба цѣлью, атака цѣлью),

необходимо, чтобы каждая боевая единица (солдаты) сознательно относилась какъ къ мѣстности, на которой они дѣйствуютъ, такъ и къ тому, что дѣлается кругомъ на нашей и на непріятельской сторонѣ.

Въ прежнее время, когда послѣ 25-ти—22-хъ-дѣтняго срока дѣйствительной службы, равнявшагося почти среднему периоду человеческой жизни, солдатъ возвращался въ давно покинутую, забытую имъ родину, измощенный трудами и лишениями долготѣйшей походной и казарменной жизни, онъ былъ лишнимъ человекомъ на свѣтѣ, чужимъ между своими: отвыкнувшій отъ занятій и образа сельской жизни, онъ являлся ненужной экономической единицею,—связь была порвана. Ничто, благодаря короткому сроку дѣйствительной службы, армія возвращаетъ народу бодрого, здороваго, дисциплинированнаго, грамотнаго человека, способнаго быть дѣятельнымъ членомъ общества. Съ общей обязательной повинностью, рога служить для солдата не только школа, въ которой онъ вырабатываетъ вѣрность долгу, воинскій духъ и воинское товарищество, но и школой его умственного просвѣщенія, нравственной зрѣлости и приспособленія къ жизни общественной.

Слѣдовательно, ничто нельзя ограничиться вѣншими соблюденіемъ формъ, пріемовъ и довольствоваться безогчетнымъ послушаніемъ страха раба. Путемъ пристрастнаго разсужденія можно дойти до признанія необходимости умственного и нравственнаго развитія солдата, условія, при которомъ, только и возможно правильное теченіе казарменной жизни и побѣда страха чувствомъ долга.

Поведеніе можетъ быть нравственнымъ или безнравственнымъ, т. е. сдержаннымъ или раснуненнымъ,—существенная разница одного отъ другаго заключается въ большей или меньшей связи между волею и умомъ человека въ его поступкахъ и въ силѣ и качествѣ ума и воли. Человекъ можетъ быть нравственнымъ, когда въ самомъ себѣ (ужь), въ своей личной инициативѣ (характерѣ) находитъ отпоръ соблазну и считаетъ выгоднымъ предпочесть трудъ—разуму, терпѣность—шалости, пріомудріе—разврату. Разъ, какъ солдатъ не находитъ въ самомъ себѣ и въ окружающей обстановкѣ никакихъ побуждательныхъ стимуловъ, никакой почвы для уклоненія отъ грѣха и соблазна, то равновѣсіе имъ потеряно, и онъ становится игрушкой случая, увлекаясь болѣе сильнымъ, но порочнымъ товарищемъ. Вѣншія мѣры тутъ не помогутъ, даже кудахъ—средство невытѣнное—не смотря на всю свою простоту и подкупающую убѣдительность, оказывается ничтожной призрачно-стительной мѣрой. Надо быть очень

ведая, чтобы пользоваться безприветливой мѣрой для водворенія нравственныхъ началъ.

Правоученія, разные моральныя сентенціи тоже не оказываютъ никакого существеннаго вліянія на солдата; онъ реалистъ, человекъ дѣла, и не проберешь его никакими увѣщаніями, ежели послѣдніе не представляютъ яркихъ примѣровъ изъ повседневной казарменной жизни. Если сегодня ротный командиръ горячо толкуетъ солдату о святости его призванія, о высокомъ назначеніи война, а завтра, при малѣйшей оцѣлкѣ этого война, пуститъ въ дѣло кулакъ; если сегодня онъ проповѣдуетъ необходимость строгаго, неукоснительнаго исполненія мельчайшихъ требованій воинской службы, а завтра, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, прибѣгаетъ къ изустовскимъ мѣрамъ, чтобы скрыть допущенный безпорядокъ (1),—то естественно, что при такомъ порядкѣ живые факты будутъ заглушать всякую мораль.

Стоять строго и исключительно на почвѣ угрозъ, страха и механической охраны, держать по вѣхъ входахъ и выходахъ дисципліны, а надъ ними недремлющее око дежурнаго и фельдфебеля,—не говоря о томъ, что сами охранители нравственно средня охраняемыхъ,—подобное состояніе долго длиться не можетъ, и самъ этотъ запретъ, по существу своему, будетъ толкать солдатъ на разные уклоненія: то водочку пронесутъ подъ видомъ вересина для ротной канцеляріи, то баба врѣшмыгнетъ подъ видомъ «средственицы-посѣтительницы»: все будетъ съ вида чьяно, формально, благопрістойно, а внутри—полная распушенность и наглое надунательство.

Система исключительнаго страха и запрета была бы еще логична еслибы можно было поставить солдата въ такое положеніе, чтобы онъ нигдѣ и ниждѣ не могъ бы принадлежать самъ себѣ. Но у солдата есть холстъ, сапожный товаръ, крауха хлѣба, бережливая отъ него добыча,—надо ему это продать и выручить копейку на табачекъ, ваксу, воскъ, портнякы; увольняется онъ въ городъ на базаръ, надзоръ порванъ и, конечно, человекъ, цѣлую недѣлю сдвигиваемый механически, сдерживаемый на помочахъ, вырвавшись на волюный просторъ, развернется во всю ширь и закончитъ веселый день или по лицейской кутузкой, или явится въ роту въ разирраженно-пьяномъ видѣ.

(1) Напрямѣмъ ротному командиру слѣдуетъ идти на утренній занатія, и когда фельдфебелю выдавать приказаніе: «Фельдфебелю! Если доложишь найдешь въ роту слухи, что я былъ на занатіяхъ и только что сейчасъ ушелъ; ежели фельдфебелю по секрету передать это докладывающій, а ты по секрету—радованки, и пободать въ роту толчокъ: «Нашъ ты, жель, докладывающій выдулъ».

Какъ же быть? Чѣмъ руководствоваться для водворенія въ ротѣ строгаго, но равнаго порядка и сдѣлать солдата послушнымъ орудіемъ воли начальнаго и строгимъ исполнителемъ всего, что требуется закономъ и порядкомъ службы?

Я полагаю, что, какъ счастье и миръ здоровой семьи зависятъ не отъ законодательныхъ мѣръ, а отъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыми руководствуются въ семьѣ, такъ и въ ротѣ, въ этой большой семьѣ молодыхъ людей, основнымъ началомъ должнаго, казарменнаго быта должно быть нравственное побужденіе *хотѣть* и *поступать* такъ, какъ хотѣть и поступать солдатъ должно; но, дабы поступки его всегда были въ строгомъ сознаніи съ закономъ и справедливостью, солдатъ долженъ знать предѣлы возможнаго, имѣя ясное понятіе о хорошемъ и дурномъ, вредномъ и полезномъ, и только при развитомъ, дѣлательномъ сознаніи можно смѣло кредитовать солдату свободу, дозволяя ему быть хозяиномъ самого себя.

Сознаніе своего долга и осмысленное пониманіе своихъ правъ и обязанностей пріобрѣтается солдатомъ лишь при условіи умственнаго и нравственнаго развитія.

II.

Умственная сторона.

Не зная бытъ, и увѣрять.

Послѣднія кампаніи (Плевня, Шипка, Карсъ, Базагъ), а также свѣдѣтельство первыхъ военныхъ авторитетовъ удостовѣряютъ въ томъ, что русскій солдатъ—черный въ мѣрѣ (героизмъ, хорошая нравственность, малая впечатлительность, безотбитная покорность приказу начальнаго, безграничная преданность престолу, отечеству и мѣрѣ отчуждѣ), и если не достаетъ чего, то это въ некоторомъ размѣрѣ интеллигентности. Скучность умственныхъ силъ, вносимыхъ населеніемъ въ нашу армію, замѣтно отражается на этой послѣдней и постоянно тормозитъ ходъ образованія нижнихъ чиновъ.

Изъ принятыхъ на службу въ 1879 году 217,050 человекъ, умѣющихъ читать и писать или только читать было 41,828 человекъ; въ 1880 году—изъ 231,677 чел. умѣющихъ читать и писать или только читать было 47,158 чел. Эти данныя указываютъ на подавляющую цифру тупаго неграмотнаго люда въ нашей арміи. Но простая грамотность—эта первая ступень къ развитію человека—есть только внѣшняя форма, одно изъ средствъ развитія, и остано-

наться на одной лишь грамотности, очертивъ ею кругъ умственного развитія солдата, было бы по меньшей мѣрѣ бесполезно. Мастеровые и фабричные въ большинствѣ случаевъ народъ грязный, но это не мешаетъ имъ быть завсегдатаями кабаковъ и трактировъ.

Для простаго, неразвитаго человека религія является живои, нравственно просвѣщающею, сдерживающею силой; въ этомъ насъ убѣждаютъ солдаты изъ латышей, католиковъ и даже евреевъ. Кому не извѣстно то безграничное довѣріе, та простота отношеній, которыя споконъ вѣка существуютъ между мужикомъ и «батюшкой»? Въ тяжелыя и радостныя минуты своей жизни привыкъ нашъ крестьянинъ обращаться къ священнику, доверчиво раскрывая передъ нимъ свои горести и радости. Связь эта, исторически установившаяся, представляется прекрасное, готовое средство; необходимо, чтобы она продолжала существовать и въ арміи, но здѣсь она, къ сожалѣнію, обрывается.

Нашъ полковой священникъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ особнякомъ отъ внутренней бытовой жизни солдатъ и, за исключеніемъ обязанности, упомянутой въ 148-й ст. Полож. объ управленіи полкомъ — «увѣщавать, по порученію полковаго командира, порочныхъ нижнихъ чиновъ» — священникъ является лишь исполнителемъ церковныхъ требъ и обрядовъ. Обязательные уроки закона Божія въ учебной командѣ, состоящіе изъ объясненія богослуженія, таинствъ, священныхъ вѣровъ, заповѣдей и проч., касаются слишкомъ ограниченаго числа слушателей (4—5 человекъ на роту), и притомъ отвлеченныя догматы для своего уразумѣнія требуютъ предварительной подготовки, а потому уроки эти, послѣ казенно-обязательнаго характера, подвергались тому же процессу заучиванія, какъ и другіе обязательные предметы учебной команды, не приносятъ никакой пользы въ смыслѣ просвѣщающаго, сдерживающаго начала.

Для духовнаго развитія солдата, для живаго воздѣйствія на его душу священникъ долженъ быть активнымъ участникомъ солдатской жизни роты и полка, но не въ учебной командѣ съ ея классной обстановкой, а въ ротѣ, въ жилой, непринужденной бесѣдѣ объясняя обязанности христіанина вообще и война въ частности (присяга), опираясь на примѣры изъ жизни той же роты, иллюстрируя свой рассказъ яркими примѣрами человеколюбія и самопожертвованія русскихъ людей, укореняя въ солдатахъ доблестя храбраго воина и честнаго русскаго гражданина.

Нашъ крестьянинъ рядомъ съ религіознымъ благочестіемъ нередко поражается крайне грубымъ и ничинымъ отношеніемъ къ вопросамъ

и предметамъ нравственнаго и религіознаго культа; это понятіе о природѣ и ея явленіяхъ составляютъ одно сплошное заблужденіе, и кому же поручить дѣло его нравственно-умственного перевоспитанія, какъ не священнику, которому съ колыбели онъ привыкъ довѣрять и который прекрасно знаетъ всѣ условія сельскаго быта.

А потому я полагаю бы крайне полезнымъ организовать вечерніи бесѣды полковаго священника съ нижними чинами (сводя 2—3 роты); бесѣды эти, имѣя цѣлью устранивъ въ солдатѣ все дикое, грубое и украсить все доброе, благородное, справедливое, будутъ прекраснымъ подспорьемъ для ротнаго командира въ его стремленіи направлять и поддерживать солдата на добромъ пути, и, бесспорно, бесѣды эти отразятся самымъ лучшимъ образомъ на казарменной жизни и уменьшатъ процентъ преступности.

Въ дружеской бесѣдѣ, живымъ обраннымъ языкомъ, доступнымъ пониманію солдата, священникъ разовьетъ сознательную любовь къ отечеству (откуда пошла и какъ стала русская земля, нынѣшній строй государства, жизнь крестьянская до и послѣ освобожденія, участіе крестьянина въ гражданскомъ судѣ и земскихъ собраніяхъ и проч.), дастъ разумное понятіе о природѣ и ея явленіяхъ, разсѣлетъ безчисленныя суевѣрія и предрассудки (на чемъ стоитъ и чѣмъ держится земля, вѣра въ дѣлшіхъ, домовыхъ, обращеніе—столь часто практикуемое солдатами—къ вороженіямъ и проч.), и слово священника, если оно будетъ согрѣто любовью къ солдату, найдетъ скорый доступъ къ сердцу и уму его, такъ какъ священнику, въ силу строгихъ короненной жизни, онъ привыкъ безгранично вѣрять.

Вторымъ сильнымъ дѣятелемъ въ умственномъ развитіи солдата могъ бы быть полковой врачъ. Полковой врачъ долженъ быть активнымъ членомъ военной части, съ очень сильнымъ голосомъ во всемъ, начиная съ солдатской обуви и кончая обученіемъ. Ротный командиръ и полковой врачъ должны дружно идти рука объ руку, помогая другъ другу въ развитіи здоровья нижнихъ чиновъ, какъ основѣ всякаго другаго развитія. Врачу недостаточно наблюдать лишь надъ исполненіемъ извѣстныхъ гигиеническихъ мѣръ (на это есть писаныя правила, инструкція) въ ротѣ «и о замѣченныхъ по сему предмету отступленіяхъ немедленно докладывать полковому командиру» (91-я ст. Полож. объ управленіи полкомъ), но необходимо товарищеское, душевное отношеніе къ ротному командиру, помогающаго послѣднему данными, выработанными наукой и личными наблюденіями.

Къ сожалѣнію, некоторые врачи слишкомъ склонны увлекаться административною частью своихъ лазаретовъ и, всецѣло погружаясь

въ отчетности и допесенія, принимать слишкомъ слабое участіе въ повседневной казарменной жизни. Осмотръ нижнихъ чиновъ *въ сроки*, назначаемые полковымъ командиромъ, проба ротной иници, наружный осмотръ помѣщений—вотъ почти вся служилая дѣятельность нашихъ военныхъ врачей. Уже и не говори про посещение ротъ дивизионными и корпусными врачами—это пѣлое событіе въ ротѣ, настоящей ослотрѣ, которому предшествуетъ полуда ротныхъ котловъ, добавка въ кашу липиныхъ фунтовъ сала, натирание пробныхъ ложекъ укропомъ (дабы отшибало пось, какъ выражаются солдаты), мытье тифякомъ и набивка ихъ свижею соляною. Не лучше ли бы было, если бы дѣятельность нашего военно-врачебнаго персонала составляла бы неотъемлемую часть казарменной жизни и была бы естественнымъ, привычнымъ элементомъ повседневнаго теченія солдатской жизни. Къ посѣщенію врача, какъ и священника, солдаты должны быть такъ же привычны, какъ и къ посѣщенію своего ротнаго командира. У себя дома, и здѣсь въ казармѣ, солдатъ навѣ боптся лекаря, а на лазаретъ и больницу смотрѣть, какъ на мѣсто неизбежной смерти, а потому необходимо сблизить солдата съ врачомъ, для чего послѣднему, отбросивъ пеллую торжественность, слѣдуетъ сдѣлаться съ полковымъ начальствомъ въ дружномъ уеланіи всесторонняго развитія солдата.

Нашъ солдатъ не дорожитъ своею жизнью, свое здоровье, тѣмъ болѣе должны мы его беречь. Для того, чтобы солдатъ съ довѣріемъ относился къ мѣрамъ, направленнымъ къ его оздоровленію (казарменный запахъ, вѣдающійся въ солдатскую одежду, стероватый цвѣтъ лица, грудная болѣзнь—слѣдствіе громадной примѣси сѣриетата воздуха въ казарменномъ воздухѣ), недостаточно уровень гигіены въ учебной командѣ, страдающихъ тѣми же недостатками какъ урови закона Божія: нужна живая бесѣда, согрѣтая любовью къ человѣку. Въ этихъ бесѣдахъ толковый врачъ, ища въ рукахъ массу фактовъ, почеркнутыхъ изъ военно-медицинской практики, прибѣгаетъ иногда къ пылному фанарию, вслѣдова, постепенно уяснить всю важность, мѣръ, употребляемыхъ для здоровья солдата, рисуя ему яркими красками всѣ губительныя послѣдствія пьянства и неперы.

Солдаты, заболѣвъ, ионерой (на 1,000 чел. служившихъ въ войскахъ въ 1879 году болѣлыхъ этой болѣзней было 44,11%, а въ 1882 году—37,4%)—не только себя губить, но разрушаютъ здоровье и семьи, въ которуя они вприсѣли, а потому, оздоравливая солдата, никакъ не его съ здравыми гигіеническими понатіями, мы вѣротормымъ образомъ содѣйствуемъ оздоровленію самаго народа. А народъ нашъ, не смотри на установленную за нимъ репутацію жаднаго-здороваго,

по статистическимъ даннымъ далеко не такъ здоровъ. Тутъ смѣшивается здоровье съ выносливостью. Съ 1874 года по 1883 г., въ ронскихъ присутствіяхъ оевидѣтельствовано *по трезгъ съ полкомною миліонамъ* лишь всѣхъ мѣстностей Имперіи, и оказывается, что призывной возрастъ, захватывающій наиболѣе цѣбтущій, жизненный элементъ народа, выдѣляется изъ себя громадную цифру освобожденныхъ по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ («Восп. Сборн.» №№ 8 и 10 за 1883 г.), и, за исключеніемъ этого, въ ряды арміи все также проскальзываетъ слабый, хилый элементъ, такъ какъ въ рядахъ новобранцевъ постоянно оказывается известный процентъ «незаконно-годныхъ» т. е., такихъ индивидуумовъ, которые послѣ признанія ихъ во время набора годными, оказываются потомъ пораженными какими нибудь патологическими недугами или недостатками. Военно-медицинская пресса не разъ уже говорила объ этомъ ненормальномъ явленіи въ дѣлѣ отпращенія воинской повинности, и вѣротормо будутъ выработаны болѣе вѣрныя мѣры (роль врача въ приеутетіи не должна быть пассивна) для огражденія военнаго министерства отъ безполезнаго расхода денегъ, а войска—отъ наплыва «незаконно-годныхъ» новобранцевъ.

Для того, чтобы человекъ жилъ здоровою жизнью и хорошо работалъ, ему необходимы, кромѣ достаточной пищи, известные возбужденія, которыя выводятъ его отъ времени до времени изъ обыкновенной козели жизни; образованные люди удовлетворяютъ этой потребности: книгами, общественными собраниями, музыкой, театрами; солдату же мы предложимъ вечернія бесѣды священника, врача, офицера, гуманныя картины, казарменные спектакли, и полковоначальство не остановится предъ средствами, такъ какъ эти затраты сторичево окулатся умственно-нравственнымъ подъемомъ нашего солдата.

Интересы военной службы настоятельно требуютъ, чтобы каждый вступающій въ ряды войска твердо зналъ, какія права и обязанности онъ приобретаетъ и чего лишается изъ тѣхъ правъ, которыя принадлежали ему въ гражданской жизни. Кромѣ того солдату должно быть ясно даже день, что дисциплина не составляетъ исключительной, неотъемлемой особенности военной службы, что она также нужна и въ гражданской жизни, и разница лишь въ строгости, такъ сказать въ напряженности, а потому, приуая его къ дисциплинѣ военной, мы тѣмъ самымъ подготавливаемъ его къ дисциплинѣ гражданской-общественной. Не было бы большимъ самообольщеніемъ думать, что все что солдатъ усвоитъ путемъ толкованія и обученія, — для этого нуженъ умъ развитый, способный овладѣвать отвлеченными понатіями.

Съ солдатомъ нужна неумолимая логика фактовъ, возможно простыхъ и ясныхъ, которые бы дѣйствовали непосредственно на его глаза и уши, а потомъ уже надо помочь ему ихъ скомбинировать. Въ виду этого я полагаю бы полезнымъ пользоваться полковыми и военно-окружными судами, какъ школой для развитія въ солдатахъ понятій о ихъ правахъ, обязанностяхъ и дисциплинѣ. Судъ военный является зеркаломъ, въ которомъ отражается вся отрицательная сторона нашей военной службы. Цѣлство, кража, влзомъ, прометаніе, несправное храненіе, нарушеніе общихъ и особыхъ обязанностей паразитной службѣ, разные виды неповиновенія — словомъ вся совокупность нарушеній законовъ и обрядовъ службѣ (1), въ реальномъ, конкретномъ образѣ представа бы предъ глазами солдата. Вся обстановка отправления правосудія поразитъ его умъ, и невольно будетъ шептать ему на ухо: «будь остороженъ», а въ казармѣ, все видѣнное и слышанное на судѣ надолго будетъ служить темою для взаимныхъ между собою разговоровъ. Между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ: открывається въ городѣ засѣданіе отдѣленія военно-окружнаго суда, засѣданіе длится съ ведѣлю—дѣй, а кто же его восхваляетъ? 3—4 офицера, да ради развлечения заглянуть дамы съ кавалерами, а изъ нижнихъ чиновъ только и виданы подсудимыхъ и свидѣтелей; у подъезда же жмется сѣрая кучка солдатъ, въ ожиданіи приговора товарища.

Весьма важной мѣрой для умственного развитія солдата является чтеніе книгъ и газетъ. Нашъ простой народъ далеко не глупъ. Яркая простонародная рѣчь, поговорки, поговорки, наконецъ весь народный эпосъ — результатъ тысячелѣтней умственной работы народа — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о его стихійной умственной крѣпости.

Правдиво ответственныя за правильное, умственное развитіе солдата, мы должны зорко слѣдить за книжнымъ матеріаломъ, обращающимся въ рукахъ солдатъ. Надо сознаться, что железный спросъ на чтеніе встрѣчаетъ недоброкачественное предложеніе въ дубочныхъ издѣліяхъ разныхъ аферистовъ, и солдатъ тратитъ свой грошъ на безграмотныя, безмысленныя, неоправданно издѣлія этой литературы, въ родѣ «Битвы русскаихъ съ кабардинцами», «Англійскихъ млардовъ», «Сонниковъ»; литература эта давно уже вошла въ моду у грамотнаго простоядина и слѣдуетъ за нимъ въ казарму. Вся эта «духовная пища» имѣетъ цѣлью лишь тѣшить и шекотать животныя инстинкты, но никакъ не развивать...

(1) Конечно, при условіи, если призналось бы возможнымъ допускать хотя на извѣстную мѣру въ ротѣ въ слушаніе дѣлъ по нарушенію дисциплины.

Эксплоатация скуднаго солдатскаго кармана, завоевывала себѣ все большій и большій районъ дѣйствія, съ безцеремонностью, свойственною аферистамъ, направляла свою дѣятельность на руководства и пособія для нижнихъ чиновъ, заирудивъ нашъ книжно-военный рынокъ издѣліями сомнительнаго качества. Наши ротныя бібліотеки имѣютъ прекрасныя изданія въ родѣ «Досугъ и дѣло», хотя число экземпляровъ далеко недостаточно по числу людей; но если ротный командиръ и младшіе офицеры роты возмутъ въ свои руки какъ направленіе солдата въ выборѣ путныхъ книгъ, такъ и самое чтеніе, то дѣло поправимо; вообще руководить чтеніемъ обязательно должны офицеры, такъ какъ для солдата, лишеннаго всякой элементарно-научной подготовкы, чтеніе — простой, механический процессъ складыванія буквъ въ слова. Чтеніе должно быть въ высшей степени занимательнымъ, обдуманнымъ и строго систематичнымъ, шагъ за шагомъ втягивая солдата въ область интересныхъ и нужныхъ для него знаний. Впервые въ солдатъ полезное знаніе и вѣрное пониманіе вещей, мы военнымъ образомъ проникаемъ въ темную и невежественную среду нашего крестьянства, внося туда лучи свѣта и теплоты; грамотный, развитой солдатъ, вернувшись въ деревню, не разъ поминетъ насъ добрымъ словечкомъ, найди себѣ какъ кусокъ хлѣба, такъ и уваженіе отъ солдатъ.

Если уваженіе казарменной нравственности мы поставимъ въ зависимость отъ умственного развитія, то придетъ ли кто осудить выписку въ роту дешевой газеты, но выписка эта должна происходить на счетъ наличнаго числа людей роты (4—5 коп. съ человека въ годъ), и газета, такимъ образомъ, становится собственностью роты вообще и каждаго солдата въ отдѣльности. Мы извѣстно извѣстна примѣръ выписки ротой газеты, и нужно видѣть ту извѣстную гордость, съ которою солдатъ рассказываетъ солдату другой роты, что онъ узналъ изъ «своей» газеты. Газета должна получаться на имя фельдфебеля и вечеромъ ротнымъ командиромъ или однимъ изъ младшихъ офицеровъ прочитываться при общемъ собраніи роты; это будетъ прекраснымъ подспорьемъ, темою для вечернихъ бесѣдъ. Конечно тактъ, здравый смыслъ, уваженіе къ своему достоинству и серьезное отношеніе къ дѣлу будутъ руководить офицеромъ при выборѣ изъ газеты матеріала для чтенія и укажутъ на тѣ части, которыя по своему значенію не могутъ имѣть для солдата никакого интереса и смысла. Кстати, и упомяну, что были бы крайне полезнымъ по полученіи въ ротѣ циркуляровъ, приказовъ, какъ по военному ведомству, такъ и по округу,

разъ. Если они только касаются, съ какой бы то ни было стороны, солдата, обязательно прочитывать ихъ при общемъ собраніи роты, разъясняя до тѣхъ поръ, пока солдаты не уразумеютъ вполнѣ или новаго положенія, или новаго требованія; не дѣлать этого—значитъ предоставлять солдата на волю разныхъ толковъ и слуховъ, нередко исходящихъ отъ писарей разныхъ канцелярій и управленій. Особенно склонны вѣрить слухамъ солдаты послѣднихъ сроковъ службы, чуждые скорому увольненію.

Важнымъ подспорьемъ въ развитіи солдата является толкованіе, строго-обдуманная система, обученіе его предметамъ обязательнымъ для солдата. Важная область развитія *собственно солдата* требуетъ отъ офицера не только ума, но и характера, такъ какъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, приходится иногда трудно, порой тяжело, а подчасъ даже не по силамъ, терпѣнію и сѣтлымъ минуты—въ порядкѣ вещей; слабые характеры уступаютъ, мѣняютъ дѣятельность, а если и остаются, то пассивными членами; крѣпкіе характеры, напротивъ, въ эти то минуты и приобретаютъ особую силу, напряженность, энергію. Главное условіе въ области строеваго развитія солдата составляетъ «терпѣніе и преданность военному дѣлу». Ничего для вида, «все для пользы»—руководящее начало въ этой области развитія. Не увлекаться роскошью и блестящею мишурою, соразмѣрять свои желанія и требованія съ возможными свойствами среды, отбросить безплодное насиліе и форсированіе умственныхъ (словесность) и физическихъ (гимнастика) силъ нижнихъ чиновъ, смотрѣть на всевозможные уставы, наставленія, инструкція какъ на книги, говорящія лишь, что солдатъ обязательно долженъ знать, а какъ добиться этого знанія—секретъ каждаго обучающаго.

Предметы, усвоеніе которыхъ обязательно солдату, могутъ быть раздѣлены на *основныя, придаточныя и общія*.

Цѣль занятій съ солдатомъ—подготовка его для боя. Увѣренность и стннга человека находятся съ прямой зависимоств отъ фактической возможности проявить свою силу. (Охотникъ, увѣренный, что рѣдкаа изъ его пуль пронадесть, и способный не колеблясь примѣнять огонь, отважно идетъ на дикаго звѣря).

Основные предметы:—стрѣльба, фехтованіе, строй, гимнастика. Для того, чтобы практическая сторона этихъ четырехъ подраздѣленій прочно и сознательно была изучена солдатомъ, для того, чтобы онъ ясно понималъ, почему дѣлаетъ такъ, а не иначе, необходима теоретическая обработка основныхъ предметовъ; отсюда является второй

отдѣлъ—*придаточный*:—наставленіе для стрѣльбы въ цѣль, ка-раульная, сторожевая, строевая и полевая службы, дѣйствіе войскъ въ бою и снперное дѣло. Насколько первый отдѣлъ требуетъ физическаго ловкости, мускульнаго напряженія, на столько второй отдѣлъ требуетъ усилія мыслительныхъ способностей, вниманія и сообразительности. Наконецъ для того, чтобы солдатъ понималъ свое мѣсто въ обществѣ и арміи, чтобы онъ зналъ свои права и обязанности и чтобы зналъ не только законъ, но и способъ его выполненія, нуженъ третій отдѣлъ предметовъ—*общія*:—дисциплинарные уставы, понятіе о военно-уголовныхъ законахъ, уставъ о внутренней службѣ, главнѣйшія постановленія о прохожденіи службы, довольствіе денежное, вещное, провіантское, приварочное.

Все три отдѣла одинаково важны и, восполняя другъ друга, составляютъ одно неразрывное цѣлое—*обязательное для образованія собственно солдата*. Указанное же раздѣленіе—лишь практической приемы, которому слѣдуетъ следовать при обученіи; дѣйствительно, занятія не дадутъ хорошихъ результатовъ, если мы все предметы обученія свалимъ въ одну обязательную кучу, довольствуясь лишь обрядовой стороной дѣла.

Можетъ показаться страннымъ, что я не упоминаю про дисциплину, какъ про самостоятельный отдѣлъ обученія. Дисциплина, основа и элементъ всякой благоустроенной арміи, подобно вѣрѣ не можетъ быть предметомъ преподаванія; ее нельзя заучить—это дѣло сердца, а не памяти; она приобретается при вѣрнѣ устанавливается общими порядкомъ казарменной жизни и неустаннымъ, терпеливымъ надзоромъ.

Дисциплина, какъ воздухъ, наполняетъ собою все складки жизни казарменной жизни: съ перваго момента охватывается она новобранца и незамѣтно для него проникаетъ во все поры его существа (причина особаго томленія новобранцевъ первое время по прибытіи въ казарму), тихо окрашивая собою его обще-человѣческіе и солдатскіе нравы, потребности и интересы. Дисциплинарный уставъ—лишь вышнее выраженіе воинской дисциплины, усваиваемое нижними чинами памятью; внутренній же смыслъ дисциплины долженъ покоиться въ сознаніи солдата. Самое кратчайшее и добросовѣстное изученіе дисциплинарнаго устава, т. е. основы дисциплины (такъ какъ точное опредѣленіе понятія воинской дисциплины невозможно), дастъ лишь прилѣтную для глаза выработку, а безъ внутреннего осннанія будетъ простой дрессировкой. Солдатъ, какъ человекъ фактъ, сообразуетъ свое поведеніе не съ дисциплинарнымъ уставомъ, а съ той видимой мо-

разью, которая вытекает из жизни и ежедневного казарменного опыта. Напрямѣрь, ротный командиръ избилъ солдата: «лучше я его, мать, поколочу, чѣмъ отдамъ подъ судъ»; фельдфебель получаетъ отъ артельщика вмѣсто положеннаго фунта—три фунта говядины; изводные увольняютъ со двора людей за угощенія; младшій офицеръ въ присутствіи нижнихъ чиновъ «прошелся» на счетъ начальства. — разъ если солдатъ заручился такими наблюденіями, то уже никакое изученіе дисциплинарнаго устава не можетъ водворить въ его сознаніи чувства дисциплины. Если же ежечасно въ ротномъ командирѣ, младшихъ офицерахъ и въ прочихъ чинахъ роты солдатъ будетъ видѣть живые образцы долга, неослнтельности и справедливости, то можно быть увѣреннымъ, что сначала изъ страха, а впоследствии изъ привычки и сознанія, онъ не перешигнетъ роковой черты дозволеннаго отъ недозволенаго.

Возвращаемъ къ установкѣ системы обученія.

Если определеніе сущности занятій въ строевыхъ частяхъ не представляеть вообще особыхъ трудностей, то установленіе наилучшаго способа веденія этихъ занятій, ихъ распредѣленіе и вообще весь процессъ практическаго примѣненія къ дѣлу подлежатъ серьезному, глубокому обсужденію, такъ какъ успѣхъ дѣла зависитъ отъ совокупности многихъ условій жизни арміи. Размѣщеніе войскъ, ихъ матеріальное благоустройство, особенности умственнаго развитія солдата, умственное развитіе младшихъ офицеровъ, обычаи и законоположенія, существующіе въ арміи, относительно наградъ, производствъ въ чины и назначенія на должности—все это имѣетъ первостепенное значеніе и непосредственное вліяніе на успѣхъ разсматриваемаго вопроса.

Чему учить солдата—на это мы положили много настойчивости и труда и имѣемъ массу положеній, постановленій, руководествъ, изданій, но *какъ учить*,—это вопросъ открытый. Конечно не съ моими слабыми знаніями рѣшать этотъ существенно важный вопросъ; оставаясь вѣрными скромной дорожкѣ своего служебнаго опыта, я попытаюсь лишь намѣтить нѣкоторыя особенности, которыя быть можетъ окажутся глупыми и не лишеными практическаго смысла.

Вся сложная система строеваго образованія солдата обуславливается слѣдующими руководящими началами:

1) *Цѣлью, которая имѣется въ виду при занятіи съ солдатами.*

2) *Сущностию живаго матеріала, надъ которымъ происходитъ работа.*

3) *Внѣшней обстановкою, при которой происходитъ работа, и лицами, принимающими въ ней участіе.*

а) Единственная и исключительная цѣль образованія и воспитанія солдата—подготовка его для боя, дабы въ каждый данный моментъ армія могла вступить на состязаніе съ противникомъ, во всеоружіи силы и знанія. Въ виду быстрого и постояннаго развитія военнаго дѣла, ставъ уже невысимо существованіе мирнаго и военнаго времени въ смыслѣ двухъ рѣзко отдѣльныхъ порядковъ и требованій службы. Дни мира—непрерывный трудъ на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи и стремленіе къ наибольшему развитію всѣхъ сторонъ арміи. Война—попытка на дѣлѣ совершенства всего механизма, боевыхъ и внутреннихъ силъ арміи. *Послѣ учебнаго курса, наступаютъ боевыя экзамены.*

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ пораженій, испытанныхъ прусскою арміею въ 1806—1807 и французскую арміею въ 1870—1871 годахъ, было услохненіе на лаврахъ, заслуженныхъ въ предшествующее время. Пруссаки, гордясь временами Фридриха Великаго, а французы—эпохою Наполеона 1-го, уснувши на формахъ, завѣщанныхъ великими полководцами, не обращая никакого вниманія на то, что дѣлалось въ Европѣ. Йена, Ауэрштадтъ, Седанъ—были роковыми пробужденіями. Но великіе историческіе уроки не пропадаютъ даромъ. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ строевыхъ частяхъ, въ особенности Германіи, кипитъ страстная, уселенная работа, направленная къ усовершенствованію арміи въ боевомъ отношеніи.

въ Живой матеріалъ, надъ которымъ приходится работать офицеру, во условіяхъ своей до-казарменной жизни представляеть нелюбимую почву, цѣлину, для разработки которой нужно приваніе, терпѣніе и упорная настойчивость: тяжелый трудъ этой разработки усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что новобранецъ, не привыкшій съ дѣтства, въ своемъ сельскомъ быту, къ размышленію и умственной работѣ, поступаетъ въ войска въ томъ возрастѣ, когда способности, бывшія въ застоя, туго поддаются усиленнымъ развитію.

Въ виду послѣдняго обстоятельства и изъ придумать такую простую, практическую систему обученія, которая, исподволь, но постепенно переведетъ мысль и гичнастируетъ мыслительныя способности, вызоветъ бы сначала въ немъ сознаніе (чего хотѣть отъ меня), побудитъ къ извлеченію изъ памяти (пробудитъ вниманія) и, наконецъ, память (уцрѣпленіе сознанія и повнманія) и побудитъ ее вѣрять сама—разработку целесообразной рѣчи.

— Такъ какъ новобранецъ не можетъ продолжительно и логически

размышлять (утомится, спутается), то надо при всякомъ обученіи устанавливать руководящія, опорные пункты или значки, иблизясь за которые и переходя отъ одного къ другому, онъ будетъ вольноно соображать. Возьму для примѣра знакомство съ винтовкою. Уяснивъ новобранцамъ то общее положеніе, что каждая вещь (стволъ, патр. котлетъ) *или чего нибудь сълѣма, или чего нибудь служитъ и состоитъ изъ частей*, устанавливаю эти три опорные пункта, и когда приказываю рассказать, напримѣръ, про стволъ, то новобранецъ, направляясь по установленнымъ значкамъ, отвѣчаетъ: «стволъ сдѣланъ изъ стали, служитъ для помѣщенія патрона и вылета пули и состоитъ изъ дульной и казенной части»; можетъ это онъ сказать своими словами, лишь бы держался опорныхъ пунктовъ и говорилъ по русски. Во всякомъ случаѣ подобная система, при которой человекъ обязательно думаетъ и говоритъ незаученныя слова, лучше объясненій, существующаго положительно во всѣхъ частяхъ военныхъ округовъ, когда нижніе чины начинаютъ одною и тою же фразею: «винтовка Бердана, номеръ 2, разбирается слѣдующимъ порядкомъ:..... причеиъ не убавляется, не прибавляется ни одного слова. Это отупляющій зубрежъ, причеиъ человекъ не подвигается ни на югу въ умственной развитіи. Общность этого явленія не доказываетъ-ли справедливость моихъ словъ, что вопросъ, *какъ учить*, требуетъ разработки.

При ознакомленіи новобранца съ денежнымъ и вещевымъ довольствомъ опять устанавливаю опорные пункты: *что получаетъ обязательно на руки* (жалованье, амуниция, годовыя), *что на него лишь полагается* (приварочныя, артельныя), *случайныя деньги* (оградныя, заработкія, денежные письма). Уяснивъ предварительно значеніе каждаго пункта, я прямо задаю вопросъ: «Кавія деньги и вещи получаешь ты на службу?» И новобранецъ, руководясь установленными значками, которые мѣшаютъ ему сбѣжать съ пути разсказа, толково, своими словами отвѣтитъ на вопросъ. Согласитесь, что это не зубрежъ, а сознательная умственная работа, при свободномъ выборѣ выраженій. Напримѣръ, изученіе титуловъ—излюбленный конекъ унтеръ-офицеровъ (пунктики, словесность), даже особая команда существуетъ у насъ на этотъ предметъ: «садись на словесность—сплошь состоитъ изъ бессмысленнаго, отупляющаго зубрежя. Считается особеннымъ лицомъ, если солдатъ можетъ назвать по имени, отчеству и фамилии его начальство безъ передышки, отъ отдѣльнаго до военнаго министра, в ѣзъ разбивку, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ той роли, которую играетъ къ отношенію его называемое

лицо. Конечно, создать человекъ подневольный, можно его заставить заучить что угодно, хоть логарифмы, но какой изъ этого прокъ для пользы дѣла и для его умственной развитія? Сходя изъ того положенія, что нашъ простолюдинъ по складу своего сельскаго быта привыкъ признавать власть «старшаго», «большака», полагаю удобнымъ, при влеченіи «начальства», установить опорный пунктъ—*хозяинъ*, и съ этой точки зрѣнія поднимаюсь вверхъ отъ отдѣльнаго до военнаго министра (ротный командиръ—хозяинъ роты, полковникъ—полка, начальникъ дивизіи—четырехъ полковъ, командующій войсками—всѣхъ солдатъ округа, военный министръ—всего сухонутнаго русскаго войска) и такимъ необычнымъ, грубымъ путемъ дохожу солдатъ до сознанія связи между нимъ и титулуемымъ лицомъ.

Какова бы ни была эта система, во всякомъ случаѣ она вырабатывается у солдата известный взглядъ и кладетъ толковой отпечатокъ на всѣ его знанія. Лучше идти опредѣленнымъ, систематическимъ путемъ, нежели брести ощупью, «безъ руля и безъ вѣтриль». Безъ системы не можетъ быть мало-мальски успѣшнаго занятія, будетъ лишь одна «магта». Солдатъ, обучаемый безъ заранѣе выработанной системы, какъ Богъ на душу положитъ, терпитъ при всякомъ вопросѣ, не знаетъ, какъ найти, что отвѣчать, и съ выраженіемъ тупаго недоумѣнія произноситъ «запамитовалъ». Занятія, не руководимыя известною системою, а основанныя лишь на запоминаніи, дѣйствуютъ губительно на умственное и нравственное состояніе новобранца, и притомъ чѣмъ народится изъ него солдатъ, въ немъ укрѣпъ человекъ.

Обученіе предметамъ должно вестись въ строгомъ соответствии, служба дознаніемъ одинъ другому, примѣрно: утромъ—отъ 8 до 9½ часовъ—основной предметъ: полчася отдыха; отъ 10 до 11½ часовъ—приматочный, непремѣнно соответствующій основному; отъ 2 до 4 часовъ—одинъ изъ предметовъ общихъ.

Для развитія вниманія, столь цѣннаго для боевой единицы, полезно производить иногда фронтовыя ученія роты, безъ унтеръ-офицеровъ во фронтѣ, причеиъ всѣ построены, повороты, захожденія производятся рядовыми лишь по командѣ ротнаго командира,—это чрезвычайно наластраиваетъ вниманіе и развиваеиъ быстроту соображенія.

Относительно развитія членораздѣльной рѣчи я уже говорилъ въ статьѣ «Молодые солдаты» и опять позволю себѣ повторить, что это настоятельно необходимая потребность какъ со служебной, такъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія; конечно не о кивжно-правильной

фраза идет только, но о простой, русской речи. В самом деле, мы желаем, чтобы солдат размышлял, сознательно относился ко всему его окружающему; но раз дело касается его часнораздельной речи, мы отступаем, отговариваясь тем, что солдат — человек дела, а не слова, и довольны с него, если будет только складно дѣлать. Не значить ли это останавливаться на полдорогѣ, такъ какъ слово есть высшее произведение мысли. Если человекъ складно дѣлаетъ, то при извѣтномъ упражненіи онъ будетъ и складно говорить. Конечно можно прекрасно понимать, не умѣя плавно рассказывать, но нельзя только рассказывать, безъ яснаго, сознательнаго пониманія. Слѣдовательно, сначала надо добиться яснаго пониманія сути дѣла, а потомъ уже можно требовать передачи этого пониманія своими словами, — отсюда раздѣленіе развитія толковой речи на два отдѣла: логика дѣла (мысленіе про себя), логика слова (мысленіе вслухъ).

Прежде всего, солдатъ глазомъ осматривается съ формою частей и цѣлаго и взаимнымъ ихъ соотношеніемъ (затворъ, вынутый, вложенный въ коробку), или ухомъ воспринимаетъ, чисто рефлексивно, не знакомое ему слово (*направленіе* полета пули), знакомится съ значеніемъ этого слова, запоминаетъ его, и когда въ головѣ его образуется прочное впечатлѣніе, слѣдъ, когда механизмъ дѣла имъ усвоенъ, то онъ можетъ перейти къ передачѣ своего впечатлѣнія — будетъ думать вслухъ. Для многихъ новобранцевъ, проводившихъ свою юность среди полевыхъ работъ, сначала это гигантскій трудъ: языкъ не повинуется, слова не подыскиваются, а если и брякнетъ словечко, то не впопадъ, поправится — выйдетъ хуже и, окончательно растерявшись, рѣшается разомъ отбѣлаться любимымъ «запаятоваль». Кроткимъ, терпѣливымъ словомъ, безъ тѣни укоризны или злой насмѣшки, надо сначала помогать, подсказывать, направлять; ежели же непослушность, чепуха начинаютъ васъ бѣсить, выводить изъ равновѣсія, немедленно надо бросить, остыть, а новобранецъ тѣмъ временемъ соберется съ силами и съ большимъ довѣріемъ и спокойствіемъ приступитъ къ занятію.

Новобранца надо учить новымъ для него словамъ, названіямъ вещей, понятіямъ. Въ своемъ сельскомъ быту, среди примитивныхъ впечатлѣній культуры, работая отъ зари до зари съ своими молчаливыми спутниками — топоромъ, да сохой, онъ довольствуется для своего обихода сравнительно небольшимъ числомъ словъ, касающихся узкой сферы его физической и духовной дѣятельности, и неудивительно его недоумѣніе, а порой безтолковость, когда ему приходится стать ли-

помъ къ лицу съ теоріею стрѣльбы или дисциплинарнымъ уставомъ, полнымъ незнакомыхъ для него словъ и выраженій.

в) Успѣхъ занятія съ нижними чинами всецѣло зависитъ *отъ расхода людей роты и состава учителей.*

Время, проведенное солдатами въ ротѣ, въ распоряженіи ротнаго командира, есть рѣшительно потерянное къ дѣлу подготовки солдата; отсюда первымъ условіемъ для успѣха дѣла является необходимость, чтобы наличное число людей роты возможно меньше бы различалось отъ списочнаго. Полковыя, учебныя, музыкантскія, барабанныя команды, швабры и мастерскія, а также разныя командировки отнимаютъ массу людей въ ротѣхъ, а за отчисленіемъ домашняго расхода — ротнаго писаря, артельщика, кашевара, хлѣбопека, конюха, офицерской прислуги, больныхъ — палачный составъ окончательно распыляется, и вся дѣятельность ротнаго командира, младшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ сосредоточивается на молодыхъ солдатахъ. Не имѣя ничего противъ необходимаго расхода въ полковыхъ учебныхъ командахъ, я позволяю себѣ замѣтить относительно расхода, идущаго на музыкантскія команды и разныя мастерскія. Музыкантскій хоръ — это базованное дѣтя полковаго начальства и гордость полка. Конечно пріятно слушать хорошую музыку, но имѣетъ съ тѣмъ нельзя забывать, что съ чьего боевой точки зрѣнія значеніе музыки въ войскахъ ограничивается только тѣмъ, что она способствуетъ стройному движенію колоннъ, какъ на плану, такъ и въ бою (Ловча), а потому излишнее развитіе музыкантскаго элемента въ полкахъ и принесеніе для этого въ жертву нѣредко лучшихъ людей роты, имъ кажется, не оправдывается боевою необходимостью. Мастерскія поглощаютъ отъ 5 до 10 часовъ въ ротѣ (предметъ постоянного пререванія ротныхъ командировъ съ хозяйственною частью полка). Удивительно вліяніе мастерскихъ на солдатъ: бравады солдатъ, попадавъ въ швабрю, чрезъ недѣлю для опытнаго глаза ротнаго командира неузнаваемы — и нравственно, и физически опускаясь. Расходъ этотъ, къ сожалѣнію, не ослабѣваетъ, не смотря на приобретеніе полками усовершенствованныхъ швейныхъ машинъ и отпуска къ войскамъ вещей въ готовомъ видѣ. Кроме этихъ, болѣе или меньше продолжительныхъ расходовъ, роты несутъ еще временные, краткосрочные расходы.

Представителемъ рабочей единицы въ казармѣ является солдатъ. Трудъ его даровой и рабочихъ рукъ много. Это обстоятельство и служить нѣредко причиною для несообразнаго пользованія этою даровою силою. Куда дозволено бы послать двухъ человекъ — посылаютъ четы-

рехъ, пятахъ. Работа идетъ неспоро, вяло, небрежно, и солдатъ отправляется на нее какъ на отдыхъ. Еслибы утилизировать ту массу непущаго избытка работы, которая тратится за годъ въ казармахъ на мытье половъ, чистку двора и исполненіе разныхъ хозяйственныхъ надобностей полка или роты, то можно бы было много земель насадить, желѣзныхъ дорогъ построить, канавъ прокопать. Экономія въ затратѣ солдатской рабочей силы вдвойнѣ необходима какъ для достоинства и быстроты самой работы, такъ и для сохраненія людей для ихъ прямого дѣла.

Второй важный факторъ учителя: ротный командиръ, младшіе офицеры и унтеръ-офицеры. Ротный командиръ—основа арміи: на плечахъ его лежатъ строевое, хозяйственное и внутреннее управленіе ротой; онъ не можетъ исключительно и всецѣло отдаться дѣлу обученія своихъ солдатъ; его глаза и надзоръ нужны во всѣхъ мѣстахъ ротнаго управленія и хозяйства; достаточно, если онъ укажетъ свѣтлому обученію, установитъ направленіе занятій и лично будетъ распоряжаться лишь тамъ, гдѣ переступаютъ черту его намѣреній, или гдѣ онъ не доводится до конца.

Нинѣ уже вымираетъ тотъ типъ ротнаго командира, который за уставами не видитъ жизни, для котораго его ротная канцелярія съ входящими и исходящими нумерами, инструкціями и наставленіями дороже интересовъ живаго солдата. Ротный командиръ, считающій себя нравственно отвѣтственнымъ не только за солдатъ, но и *передъ солдатами*, лишь въ живомъ общеніи съ ними находятъ источникъ для наблюденій, пробѣряя на практикѣ свои познанія, полученные книжнымъ путемъ.

Добытыми результатами, наблюденіями ротный командиръ дѣлится съ своими помощниками и товарищами—младшими офицерами. Самостоятельная, дружеская связь должна соединить ротнаго командира съ младшими офицерами роты. У себя дома или въ ротной канцелярії они толкуютъ, свободно высказываютъ свои мнѣнія, мыслями, горячо спорятъ, обсуждаютъ свои наблюденія, догадки или имѣютъ прочитанное; эта общность интересовъ, общность усилий создаетъ то живое отношеніе къ дѣлу, при которомъ и возможно лишь осмысленное отношеніе къ всестороннему развитію солдата.

Рациональная подготовка офицеровъ, вполне отвѣчающая требованіямъ современной тактики, не можетъ уже нинѣ означиваться на школьной скамьѣ. Чтобы учить другихъ, надо самимъ настойчиво учиться, особенно нинѣ, когда въ рѣдахъ солдатъ можно встрѣтить людей, получившихъ высшее образованіе.

Со школьной скамьи мы выносимъ массу отрывочныхъ свѣдѣній, множество историческихъ, географическихъ названій, фактовъ, чиселъ—но все это лишь сырой матеріалъ, требующій самостоятельной переработки путемъ дальнѣйшаго изученія и труда. Лучшими пособиями въ дѣлѣ дальнѣйшаго усовершенствованія являются умная беседа и путная книга. На сколько важенъ выборъ книгъ, на столько важно и отношеніе къ нимъ. Даже послѣднее важнѣе перваго. Набрасываться на чтеніе безъ выбора («Итъ-ли у тебя чего почитать») — непроизводительная трата силъ и времени.

Самымъ важнымъ условіемъ при чтеніи книгъ—не поддаваться общему авторитету; преклоненіе не есть избытокъ довѣрія къ силамъ ума, а напротивъ, извѣстнаго рода умственное рабство, ведущее къ духовному обезличенію. Сознательное и строго критическое отношеніе къ мысли даетъ возможность вѣрно держаться на своихъ ногахъ и вырабатываетъ ту цѣлность и дѣловитость, которыя составляютъ удѣлъ разумнаго человѣка.

Корпусъ офицеровъ комплектуется или вѣковыми, или военными училищами. Превосходство однихъ передъ другими составляетъ предметъ интимныхъ бесѣдъ армейскихъ офицеровъ.

Держась почти строгаго безпристрастія, надо сказать, что офицеры изъ военныхъ училищъ, обладавъ большимъ числомъ и разнообразіемъ познаній, совершенно незнакомы съ солдатскими нуждами; офицеры же изъ юнкерскихъ училищъ, которымъ случалось и спать съ солдатомъ на одной партѣ, и есть съ нимъ изъ одной чашки, не обладавъ обширною образованіемъ, отличаются знаніемъ солдатскаго быта и практическимъ опытомъ военной жизни. А потому, *первымъ*, не ограничиваясь своими теоретическими книжными познаніями, необходимо всецѣло окунуться въ повседневную солдатскую жизнь со всеми ея тревоженіями, а подчасъ скучными мелочами; это необходимо, такъ какъ мѣриломъ годности человѣка для дѣла служить не то, чему онъ учился, а то, что онъ знаетъ; *послѣднимъ же*, не обольщая себя иллюзіею личнымъ опытомъ и не ограничиваясь «лично прочитанымъ», необходимо восполнить недостатки теоретическаго познанія чтеніемъ и умственной работой. Но, вообще говоря, къ воспитанію—это чрезвычайно шаткая данная для оценки познаній отдельной личности. Все зависитъ отъ обстановки послѣдующей служебной жизни и нравственнаго вліянія той среды, въ которую попадаетъ человекъ со школьной скамьи. Много зависитъ отъ того пути, на который сразу вступитъ человекъ съ перваго шага. На путь ли тихой, трудовой жизни и упорнаго самоусовершенствованія

ня, или на путь шумного блеска, светской, бездѣлительной, но суетливой жизни.

Много зависятъ и отъ свойствъ того дѣла, къ которому сразу будетъ приставленъ молодой офицеръ. Мыбъ кажется, подобно тому, какъ новобранцу мы съ перваго шага даемъ выточку, определяя этимъ его единственное и прямое назначеніе, такъ и младшаго офицера надо сразу поставить лицомъ въ лицу съ солдатомъ, опредѣливъ этимъ исключительную роль всю службы—подготовку солдата.

Было бы крайне полезно, чтобы свѣже-выпущенные офицеры, по прибытіи въ часть, немедленно зачислялись въ роты для обязательнаго пребыванія въ нихъ не менѣе двухъ лѣтъ; въ сѣкандию, у насъ слишкомъ склонны къ прикомандированію молодыхъ офицеровъ къ штабамъ, заранее предназначая имъ должность въ полковомъ управленіи.

Въ ротѣ молодому офицеру долженъ быть данъ на руки изводъ, за который онъ несетъ полную дѣйствительную ответственность. Изъ десяти человекъ девять, изъ чувства самолюбія, горячо примутся за дѣло, влиять въ него весь пылъ молодой души, а руководимые и товарищески направляемые умнымъ, толковымъ ротнымъ командиромъ, они незамѣтно вступятъ въ практическое изученіе военного дѣла, приѣмая свои теоретическія, школьныя познанія.

Первый періодъ послѣ схода со школьной скамьи всегда бываетъ періодомъ наибольшаго развитія мечтательности: молодыя силы ищутъ работы, живаго дѣла; сначала будетъ много увлеченія, ошибокъ, смѣшнаго задора («у насъ, мось, въ училищѣ, вотъ какъ проходили»), но мало по малу человекъ оседаетъ, пересторитъ, вгнѣнется въ колею и отдастся трезвому, серьезному изученію людей и дѣла.

Но беззаветная преданность идеѣ и дѣлу, подъ напоромъ жизни в человеческой природѣ, уступаетъ мѣсто инымъ инстинктамъ, и человекъ для своей дѣятельности заслугъ и способностей требуетъ наружнаго побужденія.

Наружнымъ побужденіемъ въ дѣлѣ образованія офицеровъ, укрепленія и развитія въ нихъ спеціальныхъ познаній, а слѣдовательно и пользы для обученія и боевой подготовки частей войска, служатъ обычаи и законоположенія, усвоенныя въ арміи относительно производства въ чины и назначенія въ должности.

Не рѣшаясь разбирать этотъ грудной и сложный вопросъ, позволю себѣ лишь сказать, что производство въ чины не по лѣтн, а по достоинству или соединенію этихъ двухъ условій, сильнѣе побудило бы офицеровъ заботиться дѣльно, работая надъ своимъ усовершенствованіемъ,

впередъ, старались бы взаимныя отношенія старшихъ и младшихъ офицеровъ, виднѣе различіе во вторыхъ уваженіе къ личности первыхъ, такъ какъ это уваженіе основывалось бы на нравственномъ и умственномъ превосходствѣ, отеряло бы дорогу людямъ даровитымъ и полезнымъ и опредѣлило бы вѣдѣтными границами кругъ дѣятельности такихъ людей, дѣятельность которыхъ за пределами этихъ границъ становится невозможной, а иногда и вредной.

Для младшихъ офицеровъ армейскихъ полковъ самая желанная и почетная цѣль. (1) ихъ стремленій—достичь должности ротнаго командира, что дастъ имъ уже извѣстный голосъ, положеніе въ полку, улучшитъ ихъ матеріальный бытъ, дозволяетъ обязанности семейнымъ очагомъ. Получая роту на законномъ основаніи младшій офицеръ можетъ жить съ штабсъ-капитанскаго чина, а потому, на основаніи своего служебнаго опыта и продолжительнаго наблюденія, я полагаю, что служебный періодъ младшаго офицера между чинами прапорщика и штабсъ-капитана слишкомъ однообразно дѣлится, періодомъ 6—8 лѣтъ выслуги въ офицерскомъ званіи, и было бы полезнымъ, въ видахъ поощренія и нравственнаго подъема человека, а съ другой стороны—въ интересъ службы, создать одно повышеніе ступени между младшими офицерами и ротнымъ командиромъ: такой служебной ступенью могло бы быть назначеніе старшаго субалтернъ-офицера (2) въ ротѣ, прослужившаго въ строю и въ офицерскомъ званіи не менѣе двухъ лѣтъ. Старшій субалтернъ-офицеръ, утверждаемый въ этомъ званіи начальникомъ дивизіи, былъ бы прямымъ кандидатомъ на должность ротнаго командира. Кромѣ строевыхъ и теоретическихъ занятій по вечерней ему полуротѣ, на старшаго субалтернъ-офицера должна была бы быть возложена раздача нижнимъ чинамъ роты денежнаго довольствія: жалованья, амуничныхъ денегъ, пенсий; только при этомъ условіи записки солдатскія книжки приобретутъ серьезное, а не фактивное значеніе.

При такихъ условіяхъ старшій субалтернъ-офицеръ, получая свободную роту, выйдетъ вполне подготовленнымъ какъ въ администра-

(1) Конечно, если стрелкомъ, такъ какъ въ пѣхотныхъ частяхъ штабсъ-офицерскія ваканціи отрывались очень медленно, поэтому, чего достигше въ штабсъ-офицерскій чинъ кандидатомъ, крайне ограничено; такъ, изъ 1,816-ти вакантностей, появившихся по штату за всѣхъ пѣхотныхъ частяхъ гренадерскаго, армейскаго, резервнаго и вѣстовыхъ въ Царской Россіи и въ Кавказѣ, было произведено въ кандидатъ въ поручикъ штабсъ-офицерскій чинъ, въ 1880 году—17 вакантностей, въ 1881 году—82, въ 1882 году—40 вакантностей.

(2) Подобно старшимъ субалтернъ-офицерамъ въ артиллерійскихъ, батареяхъ штабсъ-офицерамъ.

тивномъ, такъ и въ строевомъ отношеніяхъ; полковой командиръ вѣряетъ въ опытныхъ руки судьбу роты, такъ какъ у молодого ротного командира уже есть и опытъ, и знаніе дѣла, и умѣнье кабарать людей; въ кругу же товарищей и солдатъ о немъ уже сложилось известное мнѣніе (1).

Нынѣ же сломаны и ряды казначей, полковой адъютантъ, прослуживъ въ этихъ должностяхъ съ чина подпоручика до штабсъ-капитана, отказавшись отъ своихъ должностей, получаютъ роты и, опытные въ своемъ прѣжнемъ дѣлѣ, они являются новичками въ новомъ положеніи.

Какъ бы ни было серьезно отношеніе младшихъ офицеровъ къ своимъ прямымъ обязанностямъ, все-таки въ кругу товарищей и даже во внѣшнихъ отношеніяхъ чинъ они занимаютъ второстепенное значеніе. Подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны (2), не смотря на свою служебную опытность, архаическѣе дѣла, находятся въ одинаковомъ положеніи, наравнѣ съ только что выпущенными прапорщиками и подпрапорщиками, и если признать необходимымъ принципъ соотвѣстствія чина съ должностью, то и съ этой точки зрѣнія установленіе званія старшаго субалтернъ-офицера было бы вполне целесообразнымъ. Командиръ части, наглядно убѣдившись въ способности и надежности старшаго субалтернъ-офицера, будетъ имѣть въ рукахъ действительное средство не допустить офицера безъ всесторонней проверки его нравственныхъ и умственныхъ качествъ до фактического командованія ротой. Съ другой стороны, подпоручикъ, поручикъ и штабсъ-капитанъ, доказавшіе свою неспособность въ управленіи людьми и въ береженіи казеннаго интереса, терятъ съ этимъ немую надежду достичь ротнаго командира, какъ бесполезные члены полка, еще въ

(1) Для резервныхъ батальоновъ это мнѣніе бы имѣло большее значеніе, такъ какъ всегда было бы готовъ командиръ ротныхъ командировъ изъ старой полка, и командиръ полка (бывшій командиръ батальона) знаетъ бы, кому вѣрнее роты въ трудное время.

(2) По штату пехотнаго полка, по нумерованному составу, къ числу должностныхъ и младшихъ офицеровъ принадлежитъ 39 офицеровъ, именно: штабсъ-капитанъ 1, поручикъ 12, подпоручикъ 13 и прапорщикъ 13. Полковъ же въ действительности адъютанта, казначей, адъютанта оруженъ и 4 батальонныхъ адъютанта, 7 подпоручиковъ, остается 32 офицера, изъ которыхъ 16 могли бы быть старшими (хотя бы лишь по численности) и 16 младшихъ—субалтернъ-офицерами; и если бы предположить, что для производства оберъ-офицера въ следующій чинъ требовалось бы непрекѣнное условіе—бытность въ мѣсяцъ двухъ лѣтъ въ чинѣ старшаго субалтернъ-офицера, то было бы весьма выгодно бы въ распоряженіи такой трудной задачи производствомъ: соединеніе производствъ по числу съ производствомъ по выбору.

младшихъ оберъ-офицеровъ чинахъ будутъ освобождать армию отъ ненужныхъ элементовъ.

Горячо рекомендую указанную мѣру, я глубоко убѣжденъ, что если суждено ей перейти изъ области проекта въ область факта, то она принесетъ несомнѣнную пользу.

Послѣ ротнаго командира и младшихъ офицеровъ руководители солдатъ въ нравственномъ, умственномъ и строевомъ отношеніяхъ являются унтеръ-офицеры; участіе ихъ должно выражаться не столько въ положительномъ обученіи, сколько въ охраненіи порядковъ и правилъ, установленныхъ закопомъ вообще и ротнымъ командиромъ въ частности; чтобы возвысить унтеръ-офицера въ глазахъ солдатъ, надо уважать его и довѣрять ему, но довѣрять съ надзоромъ, въ этомъ нѣтъ противорѣчія,—довѣрять его добродѣтели желанію исполнить законъ и личное приказаніе, но не довѣрять его умѣнью—наилучшимъ образомъ исполнить.

Унтеръ-офицеръ долженъ быть высоко поставленъ въ своемъ звѣдѣ, а такъ какъ между людьми, скученными на небольшомъ пространствѣ, естественно возникаютъ сплетни, пересуды, ссоры, порою драки, то, не обращаясь по всякому случаю къ ротному командиру, онъ долженъ такъ и справедливо собственною властью производить судъ и расправу.

Сдача и пріемъ взвода должны быть обставлены возможной торжественностью; всѣ звѣды взвода, какъ строевые такъ и нестроевые, въ первоочередной мундирной одеждѣ, съ полною выкладною вещью, взявъ по командѣ отбѣгающаго начальника на караулъ, встрѣчаютъ новаго званднаго командира, который, поздоровавшись съ людьми, проверяетъ одежду, оружіе, записныя книжки и опрашиваетъ претензіи. Каждый звандный унтеръ-офицеръ обязательно долженъ имѣть свой етандикъ съ личнымъ, черниломъ, бумагой и лампой; всѣ эти мѣры, какъ онѣ и кажутся маловажными, стави унтеръ-офицера въ опредѣленное, рѣзко очерченное положеніе, вселяютъ въ солдатахъ строгое, почтительное отношеніе и вслѣдствіе то наивѣрнѣе, которое существуетъ въ ротахъ, гдѣ одинъ лишь талантъ отличаетъ унтеръ-офицера отъ ряднаго.

Вотъ тѣ основныя начала, которыя могутъ, на мой взглядъ, содѣйствовать умственному развитію нашего солдата и разрыхлить ту испечатую почву, которую мы получаемъ изъ нѣдръ народа.

Умственный подъемъ солдата прямо связанъ съ водвореніемъ чинности и порядка въ ротѣ и слѣдовательно составляетъ прямой

интересъ ротнаго командира. Создать не развитый не находить въ себѣ побужденій удерживаться отъ совершения того, къ чему его толкаютъ жеманныя желанія, и предпочитаетъ обратиться къ ближнему, опредѣленному удовольствію (шарты, шно, женщины), нежели расуждать объ отдаленныхъ хотя и сильныхъ страданіяхъ (кулакъ, дисциплинарное наказаніе, судъ).

При обсужденіи какаго нибудь видоизмѣненія въ строе казарменной жизни, мы перѣдко впадаемъ въ одну важную ошибку, а именно: разсматривая предполагаемое видоизмѣненіе, мы предполагаемъ, что всѣ остальные условія останутся неизмѣнными; но это не вѣрно. Напротивъ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ остальные стороны жизни, въ силу естественной связи, тоже подвергнутся видоизмѣненіямъ.

III.

Нравственная сторона.

На войнѣ нравственный элементъ относится къ физическому, какъ 3 : 1.

Предварительно позволю себѣ небольшое отступленіе. Нравственное поведеніе и нравственная сила характера — двѣ вещи совершенно равныя. Человекъ можетъ быть безукоризненно нравственнымъ поведеніемъ, но безъ всякой нравственной силы характера, и обратно. Нравственное поведеніе есть дѣло воспитанія, дрсиролки; нравственная сила характера есть результатъ сложныхъ условій (спеціальность, наследственность, отаовка, при которой дѣйствуетъ человекъ). Нравственное поведеніе, разъ оно укоренилось въ человѣкѣ, сопровождается его всю жизнь; эта величина постоянная. Нравственная сила характера обуславливается массою вліяющихъ обстоятельствъ, можетъ быть доведена до наибольшаго максимума и низведена до нуля; эта величина крайне измѣнчивая. (Пленна 30-го и 31-го августа).

Есть одна общія черта между нравственнымъ поведеніемъ и нравственною силою характера — что на то и другое возмимательно дѣйствуютъ приемы. Существенную же разницу между ними составляетъ то, что нравственное поведеніе обнаруживается въ каждомъ поступкѣ дѣйствіи человека, нравственная же сила проявляется лишь при особыхъ условіяхъ, обстоятельствахъ. Иногда въ психологическомъ завалѣ солдатскій ничто и не подозреваетъ той массы энергии и нравственной силы, которую онъ способенъ проявить въ моментъ боя,

областельно дѣйствуя на всю часть, элентризируя самыя трусливыя натуры. Нравственное поведеніе есть сторона скорѣя домашняя, имѣющая особую вѣнность къ мирное время. Въ военное же время — нравственная сила характера пріобрѣтаетъ громадное и исключительное значеніе. Это единственный залогъ побѣды.

Нравственная сила характера удаетерждаетъ физическія силы человека. Оставивъ въ сторонѣ ялюбленный примѣръ Марафона (10,000 грековъ бѣгутъ 100,000 персовъ), напомнимъ лишь августовскіе дни бѣшеныхъ атакъ Сулеймана на Шнику или Ахалъ-Тевисскую экспедицію — какъ яркіе примѣры высшаго подъема нравственныхъ силъ нашего солдата.

Установимъ разницу между нравственнымъ поведеніемъ и нравственною силою характера, обращаясь къ разбору нравственнаго поведенія солдата, какъ къ условію, необходимому для поддержанія въ части чистоты, порядка и дисциплины.

«Если придуманы, говорить Спенсеръ, различныя уруженія для физическихъ силъ, то необходимо завести гимнастику и для нравственныхъ».

Гимнастика эта въ сферѣ казарменной жизни въ разные времена носила разный характеръ. Въ каждую эпоху развитія человѣчества господствующій духъ и господствующія идеи проникаютъ во всѣ сферы и держатся на одномъ уровнѣ, подобно водѣ въ соединенныхъ между собою сосудахъ. Этотъ водолучный духъ времени, полку самото законодателя, проникъ въ тѣсныя уголки казарменной жизни, положивъ въ основу обращенія съ солдатомъ чисто человѣческія начала (воинская повинность, какъ дѣятельное орудіе развитія и образования), отбросивъ всѣ позорящія наказанія, унижающія человеческую личность (шпирутены, розги). Если современная криминалистика признаетъ личность въ самомъ законѣрѣмъ злодѣѣ, то подално должно признать человеческую личность въ сущности, призванномъ охранять законъ и служащемъ одною изъ самыхъ надежныхъ гарантій внутреннего спокойствія, порядка, вѣнней безопасности. Армія, еще подално служившая мѣстомъ для закліиминныхъ себя новаромъ, нынѣ представляетъ кровный союзъ людей, исполняющихъ святую обязанность защищать честь, и интересы отечества.

Субъективными особенностями натуры чрезвычайно разнообразны. Солдаты, какъ отдѣльная единица, могутъ быть ларадной, но рота всеобща, въ вѣннѣ, представляетъ поверхность, на которую съ полной вѣнренностью въ усѣбѣ можетъ дѣйствовать ротный командиръ. Дѣйствія эти должны стремиться къ установленію такого внутреннего

порядка, при которомъ удовлетворяться бы до малочей все требованія закона и имѣть съ тѣмъ не игнорировались бы законныя требованія человеческой природы. Разъ какъ такой порядокъ заведемъ, ротный командиръ можетъ быть покоенъ: нравственное поведеніе вѣрныхъ ему людей обезпечено. Въ ротѣ образуется преобладаніе хорошихъ элементовъ, которые имѣютъ интересъ въ сохраненіи порядка и совокупное значеніе которыхъ достаточно сильно, чтобы побороть влияние вредныхъ элементовъ, нарушающихъ установленный порядокъ.

Внутренняя бытовая жизнь солдата проходить между двумя противоположными теченіями: съ одной стороны—монашеская жизнь и тиски дисциплины, а съ другой—улица съ ея соблазнами и увлеченіями. Разъ какъ невозможно раздѣлить эти два теченія стѣною, то на крайней мѣрѣ надо стараться примирить ихъ, сохраняя достоинство солдатскаго званія и исполняя требованія закона.

Положимъ, ротному командиру извѣстно, что одинъ изъ солдатъ его роты имѣетъ на сторонѣ любовницу. Солдатъ онъ трезвый, честный, умѣетъ себя «соблюдать въ аккуратъ». Внутреннему порядку роты не будетъ нанесенъ ущербъ, если онъ и будетъ посѣщать ее, удовлетворяя этимъ настоятельную потребность молодого, зрѣлаго организма. Но разъ она его посетила или онъ опоздалъ явиться къ сроку въ казарму, то этимъ нарушеніемъ онъ лишается отлучки со двора и, конечно, прямой интересъ солдата будетъ обладать и охранять порядокъ.

Ротному командиру не требуется быть проникательнымъ знатокомъ сокровеннѣйшихъ тайнъ человеческого сердца. Нужно лишь осмысливать требованія закона и дисциплины и руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ солдату законными и человеческими началами, не въ смыслѣ распыливавшегося безпредметнаго благодунія, но дѣловыми, рѣзко-очерченными отношеніями.

Я не идеализирую нашего солдата, хорошо зная, что въ этой средѣ нѣредко встрѣчаются субъекты нравственно неисправимые, но изъ того, что въ динномъ обществѣ есть, больные, не слѣдуетъ же лечитъ и здоровыхъ. Тутъ все суть въ умѣнціи прилагать чисто-теоретическіе выводы къ живымъ существамъ, въ которыхъ нельзя игнорировать присутствіе нервовъ, сердца, половыхъ влеченій и проч.

Такимъ о поведеніи солдата, нельзя имѣть въ виду чисто абстрактное существо, изолированное отъ внѣшняго міра: такой приемъ можетъ быть съ успѣхомъ примененъ къ изученію траекторій въ безвоздушномъ пространствѣ, но не къ живому существу.

Рядомъ съ логической принципозъ (теорія) существуетъ логика фак-

товъ (практика), и если будемъ руководствоваться лишь логикой принциповъ, то можемъ дойти до прекрасныхъ теоретическихъ выводовъ. Напримеръ, казалось бы, что стоять лишь не давать людямъ водки—и пьянство прекратится; въ ротѣ водворится искомая трезвость, и солдаты, пробавляясь однимъ лишь чаемъ, утратятъ всякое побужденіе посѣщать кабаки и трактиры; но, приладывая сюда логику фактовъ (жизненная правда), выводы мѣняются: въ сельскомъ быту новобранецъ привыкъ въ важныя моменты своей жизни (сватовство, кумовство, престольный праздникъ) сопровождать чаркой водки, и наше «положеніе о ротномъ законствѣ», опредѣливъ винную порцію для выдающихся моментовъ солдатской жизни, вѣроятно имѣло въ виду эту особенность. И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ день ротнаго праздника замѣнить традиціонную чарку водки—стаканомъ чая, когда у себя въ деревнѣ и бѣднякъ въ день престольнаго праздника послѣднюю кофѣлку пускаетъ ребромъ. Если и не дать солдату водки, то все равно онъ ее добудетъ, но путемъ контрабанднымъ, и, благодаря нашему чисто теоретическому выводу, можетъ серьезно пострадать. Указовенная выдача винной порціи уже тѣмъ хороша, что это составляетъ всегда событіе въ ротѣ, пріятно нарушающее монотонную обстановку казарменной жизни.

Г-нъ Бутковский, рисуя картину полочки ротыю по какому нибудь случаю винной порціи, видитъ тутъ двѣ стороны: съ одной стороны, торжественно веселый, оживленный говоръ и задумчивое искреннее веселье, «но достаточно, говоритъ онъ, останется еще нѣсколько минутъ, чтобы увидѣть обратную сторону процесса: люди хитѣютъ, не позволяя чувствовать себя угнетенными, надъ ними начинается глумленіе, раздаются обидныя прозвища, возбуждающія общій презрительный хохотъ, въ заключеніе подымается ворчливая и мелочная жалоба на тѣлесность законныхъ требованій по службѣ. Миѣ кажется, что краски положены слишкомъ густо. Сотни разъ присутствовалъ я при позовной выдачѣ казеннаго вина, и всегда, любясь первой половинкой картины, никогда не замѣчать второй. Во первыхъ, не такъ слаба солдатская голова, чтобы охмѣлѣть отъ полчарки водки; во вторыхъ, терпимость въ отношеніи другихъ составляетъ отличительную черту русскаго человека. Вообще вторая сторона картины г-на Бутковского есть скорѣе теоретическій выводъ, нежели фактъ, взятый изъ жизни. Что водка не составляетъ исключительнаго зла, въ этомъ насъ убѣждаетъ статья: «О солдатскихъ буфетахъ въ полкахъ 3-й гвард. пѣх. дивизіи» («Воен. Сборн.» № 10—1883 г.). Въ буфетахъ продается водка, закуски, чай. Цифрами доказано, что солдатскіе буфеты не

только не торгали отъ винуренннх городскихъ торговцевъ, но дали еще значительный доходъ. Значить солдаты охотнѣ шли въ буфеты, чѣмъ въ кабаки или трактиры, а главное — въ нравственныхъ отношеннх буфеты оказали хорошее влннене на нижнихъ чиновъ, отдалекая ихъ исподволь отъ безцѣльнаго шатаанн по городу и посѣщеннх ннтейныхъ заведеннх; по крайней мѣрѣ, за все существованне буфетовъ, число нижнихъ чиновъ, задержанныхъ въ разнаго рода увеселительныхъ заведеннхъ, значительно сократилось.

Если и бывають въ ротяхъ пьянство, то причина этому не внѣшняя, а внутренняя, психическая, и система «не пускать, запрещать» ни къ чему не поведеть. Самъ г-нъ Бутовскн говоритъ: «процентъ пьяныхъ между солдатами увеличивается пропорцноально количеству прослуженныхъ или лѣтъ». Слѣдовательно, если-бы предупредительныя и карательныя мѣры имѣли бы благой результатъ, относительно уменьшенн пьянства, то, конечно, количество пьяныхъ постепенно уменьшилось бы соотвѣтственно увеличенн сроковъ службы, — но мы видимъ обратное. Въ другомъ мѣстѣ, говори, что казенная порція не только знаменитъ совершенно непьющаго новобранца съ выпномъ, но и систематически прнучаетъ его къ выпнвкѣ, г-нъ Бутовскн спрашиваетъ: «какимъ желѣзнымъ характеромъ долженъ обладать новобранецъ, чтобы идти противъ общаго теченн». Конечно, нужно имѣть недюжинный характеръ, чтобы идти противъ общаго теченн. Но если общее теченне только, разумно и нераслушено, то полагаю, что пьянство стало бы единичною струею, которая непременно увлеклась бы общимъ потокомъ.

Рота, въ которой установленъ порядокъ, обладающн устойчивымъ равновѣснмъ, не повесеть ущерба своей нравственности, если 2—3 солдата напьются, да и кто повѣритъ тому ротному командиру, который бы сталъ навечно увѣрять, что у него нѣтъ отъявленныхъ пьяницъ.

Разннцъ въ ротѣ добрыхъ нравовъ находится въ прямой зависимости отъ установленныхъ порядковъ, отъ теченн внутренней жизни и отъ нравственной связи между ротнымъ командиромъ и солдатами.

Нравственность, подобно дисциплинѣ, не можетъ быть предметомъ преподаванн и знается она какъ результатъ влнтельнаго режима, напика, привычки.

Главными оруднми нравственнаго воспитанн и развитн добрыхъ нравовъ, должны быть:

1) Полная солидарность между людьми роты.

2) Строгая законность во всѣхъ отношеннх старшихъ къ младшимъ и разумная справедливость въ домашнемъ судѣ и расправѣ.

а) Солдаты должны гордиться своей ротой; его сердцу должны быть близки и дороги интересы родной роты, такъ какъ въ этомъ общнмъ интересѣ замѣшаны и его личные интересы. Крѣпкая связь, дружная порука — создаютъ ту возмлектанную нравственность роты, которую мы означаемъ словами: «образцовая рота». Разъ какъ нѣтъ сплнстости интересовъ, нѣтъ солидарности и связь между людьми не нравственна, а чисто механическая (солдату все равно, 5-й ли онъ роты или 14-й), то на такую роту нельзя положиться ни въ мирное, ни въ военное время, такъ какъ это будетъ не нравственно сплоченное дѣло, имѣющее общнх желаннх и коллективное самолюбне, но случайное скопнше людей съ врозь идущими интересами.

б) Рота есть военное братство, союзъ людей, судьбами которыхъ руководить и управляетъ законъ. Законъ для нихъ единственная всемогущая сила, которую они признають надъ собою, и единственная внѣшняя воля, которой они подчиняются, а потому законъ и только законъ долженъ лежать въ основѣ отношенн старшихъ къ младшимъ. Но такъ какъ законъ не можетъ охватить всѣхъ разнообразныхъ случайностей, всѣхъ мелкихъ нарушеннх правилъ военной службы и дисциплины, всѣхъ отблнковъ въ проступкахъ, обусловленныхъ индивидуальными особенностями отдельной личности, то законодатель съ полнымъ довѣрнмъ къ нравственному чувству, служебному такту и здравому смыслу начальника даетъ ему въ руки, сильное, острое средство — подвергать подчиненныхъ взысканнмъ въ порядкѣ дисциплинарномъ, т. е. безъ преданн виновныхъ военному суду, предоставляя и право самаго выбора взысканн въ предѣлахъ указанной закономъ ему власти.

Такъ какъ при отблнкѣ влнтельнаго поступка солдата ближайшн начальникъ является одновременно судьей и исполнителемъ приговора, то весьма легко впасть въ грубую ошибку, несправедливость, подъ влнненмъ озлобленн, страстнаго порыва или безотчетно влнннтельнаго чувства симпатн или антипатн.

Дѣлы не захватывать съ собою чнстоту сознанн должной мѣры въ наказаннх взысканнх и всегда держаться нутн строгой постепенности и послѣдовательности, необходимо соразмѣрять взысканн съ нравственными мотивами проступка и съ личными свойствами каждаго. Нельзя припомнняется прекрасный стихъ Шиллера: «мы все видимъ, что человекъ совершилъ; мы не видимъ всего, съ чѣмъ онъ борался». Солдаты предпочитаютъ строгая, даже суровая начальника добродуш-

тому, рыцарю, такъ какъ въ первомъ случаѣ онъ знаетъ, чего отъ него хотѣть и что его ждетъ.

Но чего не выноситъ славянская натура внешнего солдата—это постоянного изнеженія и попрека и скорѣе предпочитавтъ естественную расправу. Упомянувъ про средства въ водворенію дисциплины, Скобелевъ говоритъ: «средствомъ къ этому можно назвать молодецкое слово молодца, музыку, пѣсни и, наконецъ, поддержаніе уставнаго порядка, хотя бы цѣною крови, но безъ предварительнаго продолжительнаго изнеженія, пеннагентнаго русскому солдату» (приказы генерала М. Д. Скобелева, стр. 151-я).

Чтобы учить солдата, надо самому учиться точно также: чтобы разумно управлять имъ, надо обуздывать себя, управлять своими нервами. Особенно опасно поддаваться настроенію духа, вдохновенію. «На три дня и въ очередь на службу» — наказываетъ ротный командиръ своего солдата, въ мрачномъ настроеніи духа, за неотданіе установленной части. «Ну, смотри, чтобы этого больше не повторялось» — подъ влияніемъ радужнаго настроенія замѣчаетъ онъ завтра солдату, уснувшему на часахъ. Подобное отношеніе неминуемо породитъ въ подчиненныхъ мысль о беззащитности, произволѣ и пристрастіи и будетъ противодействовать воспитанію чувства долга въ солдатахъ. Наибольшая справедливость въ отношеніи къ солдату уже потому необходима, что поворотецъ, явившійся въ казарму, приноситъ въ глубинѣ души своей осадокъ, унаследованный отъ яростничества и барщины.—что, молъ, поступками баряна руководить произволъ и несправедливость.

Одни лишь строгость и суровость въ отношеніи солдата, привыкшаго видѣть въ своемъ начальникѣ суровую наказующую власть и сухой подантизмъ, далеко недостаточны для воспитанія въ солдатѣ нравственнаго навыка, сознательнаго отношенія къ своимъ поступкамъ и необходимаго нравственнаго единенія подчиненнаго съ начальникомъ.

Въ прусской арміи въ 1806—1807 годахъ и во французской арміи въ 1870—1871 годахъ дисциплина въ смыслѣ строгости и суровости была доведена до высшей степени. Палка стояла на стражѣ я, забывая личность, поддерживала и охраняла дисциплину. Въ прусской арміи за малѣйшій проступокъ всякій унтеръ-офицеръ имѣлъ право называть тѣлесно нижняго чина; ни объ учении нижнихъ чиновъ, ни объ ихъ воспитаніи офицеры не имѣли никакого помысла; они обращались къ солдатамъ только съ командными словами. Французская армія 1870—1871 годовъ въ дисциплинарномъ отношеніи

представляла крайне строгую систему наказаній и широко распространенныя права въ возложеніи дисциплинарныхъ наказаній; капраля имѣлъ право солдата наказывать четырехдневнымъ арестомъ. Но крутыя жѣры не могли создать никакого честнаго побужденія къ послушанію, къ повиновенію. А въ наступившія минуты боевыхъ нештатныхъ единичъ (солдаты), сматые лишь механически, распались, обнаруживъ всю глубину нравственной деморализаціи. Начиная съ первыхъ пораженій, солдаты позволили себѣ вслухъ относиться неодобрительно и начальствѣ (отсутствіе нравственнаго единенія), повидали ряды (отсутствіе коллективной солидарности), бросали оружіе: такъ, одинъ французскій пѣхотный полкъ, не видѣвъ даже непріятеля, бросилъ 1.800 ружей и 700 ружей, во время перехода въ жаркій день. Прусскіе полки въ 1806 году бросали свои знамена и возвращались на родину (*).

Среди современнаго общества, живущаго лихорадочною жизнью, разлукинагося массою разнородныхъ насладженій, казарма является удивительнымъ островомъ, гдѣ день, разбитый на правильные промежутки, течетъ однообразно, тихо, скучно.

Солдатскій день состоитъ изъ часовъ обязательныхъ занятій и часовъ досуга, когда солдатъ остается, такъ сказать, наединѣ съ самимъ собою. Полная гармонія и взаимодействіе толковой системы обученія и разумнаго препровожденія часовъ досуга приведутъ въ полное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ солдата.

Темнотелный и безцѣльный досугъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ и празничныхъ дней своею безсодержательностью утомляетъ, нагоняя грусть-тоску на солдата, и въ немъ, въ этомъ темнотелномъ досугѣ, нужно искать причины и симптомовъ отлучекъ, и промотанія какъ своихъ, такъ и товарищескихъ вещей.

Безсодержательное препровожденіе времени, отдыхъ, состоящій изъ ничтогодѣзаній, нравственно отупляетъ солдата, и онъ нелегко поддается общему соблазнительной вывѣски кабака: тамъ — веселье, разгулъ, пѣсань; здѣсь — тоска, томленіе, одурь. Ежели какая либо потребность (развлекательная) нравственно сдѣлывается, она ищетъ себѣ удовлетворенія окольными путями, перехода на нелегальную почву.

Развитый, образованный человекъ, во время отдыха, въ самомъ себѣ, въ своемъ собственномъ духовномъ мірѣ или въ книгѣ находитъ источникъ для развлечения и успокоенія отъ труда и работы.

(* Vergleich der Ursachen, welche die Niederlagen der Preussischen Armee im Jahre 1806—1807, und die der Französischen Armee im Jahre 1870—1871 hauptsächlich herbeigeführt haben. — Neue Militär-Dikt. — Juli—August 1874.

Простой, неразвитый человекъ, не находя въ себѣ этого счастливѣншаго источника, оставляетъ съ собою, инадеждѣ лишь въ бездѣйствіе и праздное спокойствіе, которое не осѣждаетъ, а физически утомляетъ его. А потому я полагаю, что общепринятый отдыхъ солдатъ, въ смыслѣ ничегонедѣлания, есть не осѣжающій отдыхъ, а одно лишь маніе и физическое утомленіе, расслабляющее человека.

Для того, чтобы часы казарменнаго досуга удовлетворяли бы живой потребности человека развлекаться, приводили бы, такъ сказать, въ равновѣсіе силы солдата, нарушенныя трудомъ и работой, необходимо, чтобы сама *отдыхъ представляла бы собою также деятельность*. «Бездѣйствіе—говорить Скобелевъ—порождаетъ упадокъ духа, пьянство и болѣзни. Солдаты должны быть всегда заняты; поэтому, кромѣ постоянныхъ учений, ознакомленія съ уставами и новыми оружіемъ, гг. офицеры должны поощрять въ солдатахъ чтеніе и устройство разнаго рода игръ» (приказы генерала М. Д. Скобелева, стр. 69-я).

Профессоръ Гарзановъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ «о вліяніи психическихъ явленій на тѣлесные процессы въ организмѣ» указываетъ на громадную реальную зависимость между чувствами и аффектами (возбуждающими или радостными, угнетающими или печальными) и дѣятельностью органовъ кровообращенія, дыханія, пищеваренія, обмена веществъ мышечной системы. Приятное состояніе, радостное чувство повышаютъ общее самочувствіе человека, вызываютъ хорошее душевное настроеніе; печальное, подавляющее состояніе духа ведетъ къ противоположнымъ результатамъ.

Область развлеченія и дѣятельности солдата въ часы досуга настолько интересна, что могла бы послужить темой для обширнаго труда.

Во главѣ развлеченій, вліяющихъ на нравственную и духовную сторону солдата, должна быть поставлена иѣсня вообще, а военная въ особенности.

Спокойнѣйша, иѣсня—любимый и необходимый спутникъ нашего простовиднаго—сопутствуетъ ему какъ въ трудѣ, такъ и въ отдыхѣ. Военная иѣсня, согрѣтая любовью къ Царю, къ славы роднаго оружія, свѣтлаетъ духъ части, развивая мажорное, боевое направленіе. Военная иѣсня, укрѣпляющая связь съ прошлыми боевыми традиціями, представляетъ своего рода военную исторію для солдата: развивая патріотическое чувство, она переводитъ его къ славному дѣлу прошедшихъ побѣдъ и походовъ, знакомитъ съ вождями, покровителями наше оружія неунывающей славы. Иѣсня, возбуждая къ-

дѣльнымъ и фактическимъ по натурѣ, содѣйствуетъ подъему всеобщаго интереса всей роты и служитъ лучшимъ противовѣсомъ иѣкоторой монотонности строгихъ занятій. Въ сожалѣнію, въ иѣкоторыхъ ротѣхъ даютъ единично большой просторъ иѣснямъ парнографическаго характера, крайне безсмысленнымъ по своему содержанию; иѣсны эти, цѣлоча животноя истинны, возбуждаютъ лишь пошлости и слабости.

На развитіе иѣсенниковъ и музыкантовъ въ ротѣ должно быть обращено полное вниманіе, такъ какъ это лучшее, нравственно осѣлающее средство.

Если не по вѣласти ротнаго командира измѣнить наружную обстановку казармы, хмуро глядящую на насъ зѣвными отверстіями сплѣхъ безчисленныхъ оконъ, дверей и воротъ, то отъ него всецѣло зависитъ сдѣлать привычнымъ и уютнымъ внутреннее помѣщеніе нижнихъ чиновъ. Годы стѣны украсить картинами изъ военного быта, сраженій, походовъ, портретами Царской фамиліи, начальствующихъ лицъ (пользуясь ими при изученіи титуловъ), таблицами рисунковъ военныхъ, отаичей частей войскъ, чиновъ и званій (прекрасное изданіе ручника Куряжскаго; рисунки, числомъ 76, исполнены красками, золотомъ и серебромъ); въ каждомъ шведѣ свѣдѣть пошлѣсть, какъ съ наклеенными разрѣзными буквами и стѣнной календарь. Карта Россійской Имперіи съ раскрашенными губерніями и иѣсплелью маленькихъ глобусовъ (почему человекъ впередъ погамъ ходить и не горюетъ—предметъ обсужденія) будутъ занимательно-поучительны для солдатъ, расширяя его умственный кругозоръ: каждый полѣзаетъ вскрыть сплѣхъ губернію, по дорогѣ знакомыя и съ другими губерніями. Въ сущности, всемъ этимъ украшеніямъ цѣна—грошъ; между тѣмъ они обращаютъ ротное помѣщеніе къ иѣкоторому рода поучительный кабинетъ, даютъ иѣснову для любознательности солдата и помогаютъ ему видѣть то, о чемъ ему рассказываютъ.

Крайне полезно имѣть наклеенными на стѣнахъ мишени во весь ростъ, пошвыль, головными (соблюдая симетрію), съ точками прицѣльными, отмѣченными разными красками, а также механическія мишени съ высканчивающею фигурою, предоставляя право унтеръ-офицерамъ къ свободное время, по иѣхъ усмотрѣнію или по просьбѣ солдатъ, заниматься стрѣльбою дробинками. Въ одной ротѣ, какъ мнѣ извѣстно, были установлены даже призы (книжечка почтовой бумаги, карандаши, перочинные ножки, тресачки, вѣльнички и проч.), и въ свободное время въ этой ротѣ постоянно происходили турниры, привлекаящие даже солдатъ другихъ ротъ.

Превосходнымъ средствомъ для веселаго и полезнаго времяпрепровожденія могутъ быть гимнастическія игры, которыя сближаютъ между собою солдатъ и вырабатываютъ авторитетность болѣе веселыхъ, умныхъ и энергическихъ личностей.

Физическое воспитаніе солдата составляетъ одну изъ главныхъ задачъ военнаго образованія, а потому гимнастикѣ и гимнастическимъ играмъ, служащимъ для развитія въ людяхъ безстрашія и молодечества, должно быть придано серьезное значеніе. Для того, чтобы гимнастику поставить на ту степень развитія и распространенія, какой она заслуживаетъ по своему могущественному вліянію на физическое развитіе солдата, необходимо, чтобы она было преподаваемо въ ротахъ не унтеръ-офицерами, а младшими офицерами, и притомъ при подготовительномъ отдѣлѣ—подъ контролемъ полковыхъ врачей. Дѣйствительно, для того, чтобы развить гимнастикою всѣ части тѣла и сподволь, согласно со взаимными ихъ соотношеніями между собою, необходима извѣстная степень анатомио-физиологическихъ познаній. Между тѣмъ унтеръ-офицеры, преимущественно завѣдывающіе нынѣ въ ротахъ подготовительною гимнастикой, стараются лишь въ извѣстныя промежутки времени продѣлать извѣстный итогъ упражненій. Притомъ, если единственныя способности солдатъ весьма разнообразны, то точно также разнообразно и физическое развитіе ихъ, обусловленное какъ общимъ здоровьемъ каждаго, такъ и индивидуальными особенностями сложенія тѣла и мускульной системы; отсюда—настоятельная необходимость правильнаго раздѣленія на классы (достаточно трехъ классовъ), что съ толкомъ можетъ сдѣлать только офицеръ.

Таблицы классовъ какъ по стрѣльбѣ, такъ и по гимнастикѣ, наклеенныя на трехъ разноцвѣтныхъ доскахъ, должны висѣть на виду въ каждомъ анодѣ; въ числѣ прочихъ мѣръ это тоже принесетъ свою долю пользы, подвигая самолюбіе солдата (3-й классъ, напримѣръ, не допускать до состязанія въ стрѣльбѣ дробинками на црвѣ и до гимнастическихъ игръ).

Какъ для развитія дисциплины недостаточно изученія дисциплинарнаго устава, такъ и для развитія безстрашія, удала, лихости недостаточно ограничиться лишь методическими приемами подготовительной гимнастикѣ.—необходимы гимнастическія игры и свободныя упражненія (лежарда, бѣгъ въ лапуки, борьба, лазанье на деревья и стѣны, прыганье чрезъ ручьи и канавы). Упраженія эти должны имѣть характеръ непринужденности, занимательности и даже рискованности, дабы развить безоглядную отвагу и критичнть чувство страха.

самосохраненія, и безъ того достаточно развитыхъ въ каждомъ человѣкѣ.

Было бы полезно ввести въ ротѣ обученіе плаванію нижнихъ чиновъ. Въ выборѣ мѣста для обученія затрудненія не встрѣтятся, такъ какъ много большіе лагеря расположены на берегу рѣкъ (Сева, Двина, Висла, Днѣпръ) или на берегу озеръ. Тщательно подготовивъ удобное мѣсто и необходимыя приспособленія, рота за одинъ лѣтній сезонъ можетъ подготовить себѣ команду хорошихъ пловцовъ. Ходъ обученія прибавительно слѣдующій: 1) усвоеніе плавательныхъ приемовъ на лямкахъ или пузыряхъ; 2) плаваніе на груди и отдыхъ на спинѣ; 3) плаваніе въ одеждѣ; 4) прыжки въ воду и 5) переправа пловцовъ черезъ рѣку отдѣленіями съ небольшими тяжестими, ружьями. Военное время полно случайностей, а потому подготовка мирнаго времени должна имѣть конечной цѣлью—поставить войско въ наименьшую зависимость отъ всевозможныхъ неожиданностей.

Если въ особенностяхъ бытовыхъ условій нашъ народъ не занимается стрѣльбою (подобно Бельгіи, Швейцаріи, Германіи, гдѣ стрѣльба вошла въ кругъ народнаго воспитанія), то на арміи лежить обязанность пользоваться всеми мѣрами для развитія у себя искусства стрѣльбы, что и уравновѣситъ преимущество тѣхъ армій, которыя получаютъ изъ народа контингентъ готовыхъ стрѣлковъ.

Однимъ изъ побочныхъ средствъ къ развитію стрѣльбы и приспособленію къ вынужденій служить охота, находящаяся въ нашей арміи еще въ зачаточномъ состояніи (наиболѣе развита въ Туркестанскомъ край). Охота на зайцевъ, поставленная строго и серьезно, кромѣ развитія умѣнья владѣть персами и не терять головы, крайне полезна по иѣ-которому сходству съ боевой обстановкой.

Разстѣланные стрѣлки (подобіе цѣпи), имѣя дѣло съ противникомъ (волкъ, медвѣдь, лось, кабанъ), одиринымъ чутьемъ слухомъ, острымъ зрѣніемъ и сильнымъ обоняніемъ, должны сохранить возможную тишину, избѣгая малѣйшаго шума, говора, даже шаговъ. Непростительны выстрѣлъ, излишняя горячность, недержанное возбужденіе разстраиваетъ все дѣло—и зайць ускользаетъ изъ «оступа». Для успѣха необходимы условія аналогичныя боевымъ: стойкость, твердость, выдержка, сообразительность, примѣненіе къ мѣстности, а цоромъ и готовность встрѣтить противника лицомъ въ лицу (медвѣдь, кабанъ). Все это придаетъ охотѣ на зайцевъ серьезный и крайне занимательный характеръ, не говори о той громадной копейной пользѣ, которую она принесетъ для сельскаго быта, гдѣ одинъ лодня наноситъ въ годъ убытка на живонъ рублей.

Область забавъ и развлеченій на столько обширна и разнообразна, на сколько обширенъ и разнообразенъ духъ человѣка. Всего перечислить нѣтъ возможности. Это дѣло изобрѣтательности и находчивости каждаго ближайшаго начальства. Тутъ важно лишь одно основное условіе—изыскать средство, чтобы солдатъ въ часы досуга въ стѣнахъ казармы могъ быть вполне удовлетворенъ относительно живой потребности человѣка развлекаться, не прибѣгая для этого къ побочнымъ, внѣ-казарменнымъ развлечениямъ.

Не мнѣ судить, насколько удачно выполнилъ я задачу выяснить тѣ причины, которыми обуславливается умственный и нравственный подъемъ нашего солдата. Задача, чрезвычайно трудная сама по себѣ, затруднилась еще неимѣніемъ въ рукахъ статистическихъ данныхъ, что, конечно, много вредить полнотѣ и доказательной яркости многихъ вопросовъ, мною затронутыхъ. Настоящимъ очеркомъ, не смѣя сказать изслѣдованіемъ, я имѣлъ лишь въ виду обратить вниманіе людей болѣе опытныхъ и компетентныхъ на нѣкоторыя обстоятельства и подробности казарменной жизни, съ цѣлью вызвать болѣе полное ея изученіе.

Моя попытка—найти въ сельскомъ бытѣ простолюдина разъясненіе сторонъ казарменной жизни; предлагаемый мною методъ обученія и соображенія относительно субалтернъ-офицеровъ, конечно, не полны, быть можетъ ошибочны, неудачны, но и за всѣмъ тѣмъ сочту свой трудъ совершенно удавшимся, если вопросы, затронутые мною, будутъ подняты для правильнаго и всесторонняго изслѣдованія.

Штабс-капитанъ Лоссовскій.